

Зайцева Нина Григорьевна

ВЕПССКИЙ ГЛАГОЛ
Сравнительно-сопоставительное
исследование

10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии,
Африки, аборигенов Америки и Австралии
(финно-угорские и самодийские)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Йошкар-Ола – 2002 г.

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор **Зайков П.М.**,
доктор филологических наук
профессор **Андуганов Ю.В.**,
доктор филологических наук
профессор **Куклин А.Н.**

Ведущее учреждение: Карельский государственный
педагогический университет.

Защита состоится 19 апреля 2002 года в 15 часов
на заседании Диссертационного совета Д 212.116.01 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук
при Марийском государственном университете (424001, г. Йошкар-Ола,
ул. Пушкина, 30).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
Марийского государственного университета.

Автореферат разослан 14 сентября 2002 года.

152075K

Ученый секретарь совета Д 212.116.01
кандидат филологических наук, доцент *Григорьев* Валитов Г.Н.

БИБЛИОТЕКА
Карельского научного
центра РАН

Общая характеристика работы

Данная работа "Вепсский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование" была подготовлена в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (№ проекта 98-04-06155а). Работа включает в себя грамматику вепсского глагола, анализ его категорий и их показателей, проведенный в сравнительно-сопоставительном аспекте с привлечением истории языка.

Актуальность темы. Вепсский язык исследователи прибалтийско-финских языков называют иногда "прибалтийско-финским санскритом", поскольку по многим позициям он сохранил довольно древнее положение вещей. Поэтому исследование грамматики вепсского языка – одна из важнейших тем сравнительно-исторического и сопоставительного прибалтийско-финского языкознания в целом. Знание ее фактов дает возможность для более правомерных сравнительно-исторических и сопоставительных умозаключений, позволяет с большей долей вероятности говорить об истории развития отдельных категорий и их показателей в прибалтийско-финских языках. Владение материалом по грамматике глагола, как показало наше исследование, позволяет выйти и в сферу формирования вепсских диалектов, где пока не сказано ничего достаточно определенного и куда до сих пор имели выход в основном исследования в области вепсской ономастики. Объединение же научных изысканий в данных областях прибалтийско-финского языкознания позволит решить вопросы о том, как формировались вепсские диалекты, в контактах с кем и под каким влиянием это происходило, что в них является результатом самостоятельного развития и что следует признать наследием прибалтийско-финского языка-основы. Это, в свою очередь, даст возможность постепенно приблизиться к пониманию проблем этногенеза вепсского народа, который до сего дня представляет собой определенную загадку.

Необходимость в подробных сведениях по грамматике вепсского языка диктуется и практикой сегодняшнего дня вепсского народа, письменность которого была возрождена в 1989 году. Именно академические исследования дают почву для написания учебников и учебно-методических пособий для школ и вузов. Вепсский же язык до сих пор не обладает академическими исследованиями грамматики, и особенно наиболее сложного ее раздела – грамматики глагола – в области всех диалектов. Имеющиеся работы посвящены либо отдельным вопросам грамматики вепсского языка, либо дают краткое представление об одном из говоров. Создание научно обоснованных учебников

нуждается в знании всех грамматических закономерностей, которые позволят разработать более обоснованные, стройные и целостные правила, охватывающие всю систему языка. Грамматика же вепского глагола, являющаяся одним из сложнейших разделов вепского языкознания в целом, до сего времени не обладает серьезными исследованиями, что в определенной степени тормозит процесс создания учебников для вепской школы.

Таким образом, предметом настоящего исследования является грамматика вепского глагола, система и функционирование его категорий, теоретическое обоснование и история развития их показателей во всем многообразии диалектов и говоров вепского языка и в его младописьменной языковой норме, которая также нуждается в оценке и осмыслении процессов, протекающих в ней.

Цель данной работы – анализ тенденций развития грамматики глагола в диалектах вепского языка в сравнительно-историческом и сопоставительном аспектах.

Отсюда вытекают конкретные задачи исследования, которые заключаются в следующем:

- 1) выявить систему имеющихся глагольных форм во всех диалектах и говорах вепского языка;
- 2) провести сравнительно-исторический анализ развития их показателей, привлекая для этого данные по сравнительно-историческому прибалтийско-финскому и – при необходимости – финно-угорскому языкознанию;
- 3) определить место и значимость каждого из вариантов показателей, функционирующих в диалектах и говорах вепского языка, в общей истории развития показателей;
- 4) охарактеризовать развитие категорий глагола в сравнительно-сопоставительном аспекте, привлекая для этого анализ данных некоторых родственных и неродственных языков;
- 5) установить место и значимость грамматических показателей категорий глагола младописьменного вепского языка среди диалектных вариантов; дать оценку правомерности и обоснованности их выбора в качестве литературной нормы;
- 6) проследить направление основных тенденций развития категорий вепского глагола;
- 7) на основе полученных данных сделать попытку выйти в область формирования вепских диалектов, их становления.

Методы исследования. Решение поставленных в исследовании задач выполнялось с применением синхронного, сопоставительного и

сравнительно-исторического методов. В работе выявлен, по возможности, весь ряд диалектных вариантов каждого показателя в их синхронном состоянии, который сам по себе уже дает возможности для отдельных умозаключений сравнительно-исторического характера. Для детального и целенаправленного сравнительно-исторического анализа развития категорий вепского глагола привлечен и прибалтийско-финский фон, имеющийся в научной литературе, который позволил окунуться в более древнее положение вещей, что дает возможность, в свою очередь, оценить значимость вепского материала для сравнительно-исторического прибалтийско-финского языкознания. В исследовании использован также сравнительно-сопоставительный метод, посредством которого для решения отдельных конкретных вопросов происхождения того или иного показателя брались во внимание данные неродственных (чаще всего это русский) языков, что позволило при взгляде на весь диалектный материал решить вопрос по выявлению корней какого-то явления или тенденции. Для большей наглядности, убедительности и достоверности использован отчасти метод картографирования некоторых наиболее интересных явлений грамматики глагола, а также метод построения в “Приложении” полных парадигм спряжения специально подобранных для этой цели наиболее типичных глаголов в определенных опорных диалектных зонах, которое было совершено в полевых условиях путем опроса информантов.

Материал для исследования собран лично автором работы в течение многих лет (начиная с 1970 года) в полевых условиях в виде записей на магнитофонную ленту с его последующей, полной или частичной, расшифровкой (номера кассет Фонограммархива Института языка, литературы и истории 1502-1522, 2278-2292, 3384-3405 и др.) и записей в полевой блокнот; использованы рукописные картотеки сектора языкознания Института языка, литературы и истории, хранящиеся в секторе, а также все известные науке образцы вепской речи и диалектные словари, опубликованные в России и за рубежом. При исследовании фактов истории развития отдельных показателей приводятся данные из работ ученых XIX века (Леннрот Э., Хунфалви Х., Алквист А., Синнеи Й., Базилиер Х.), которые являются единственными, по сути дела, наиболее древними зафиксированными памятниками письменной вепской речи конца XVIII, начала XIX века. Для сравнения привлечены материалы по родственным и неродственным языкам, выбранные автором в качестве иллюстраций из опубликованной литературы с отсылками к соответствующим источникам.

Теоретической основой работы послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов, в которых рассматриваются общетеоретические проблемы прибалтийско-финских и – шире – финно-угорских языков по исследуемым вопросам, обсуждаются имеющие значение для вепсской грамматики глагола моменты истории сложения и сравнительно-исторического развития показателей лица-числа, времен, наклонений основного и возвратного спряжений глаголов.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней;

1) впервые подвергнут синхронному, сравнительно-историческому и сопоставительному анализу грамматический материал в области глагольного словоизменения по всем диалектам и говорам вепсского языка;

2) на общем прибалтийско-финском сравнительно-историческом фоне показаны пути сложения показателей категорий вепсского глагола, определено их место и значимость в сравнительно-историческом анализе развития показателей для родственных языков;

3) выявлены, освещены и теоретически обоснованы наиболее яркие особенности вепсской грамматики глагола, выделяющие ее среди родственных языков;

4) впервые в истории вепсского языкознания определено место, обоснованность и последовательность функционирования младописьменной языковой нормы;

5) на основе имеющегося материала сделана попытка выхода в сферу формирования вепсских диалектов.

Теоретическое и практическое значение представленного к защите исследования состоит в том, что в нем осуществлено осмысление путей формирования системы категорий вепсского глагола, определено соотношение диалектов между собой и с близко родственными языками, выявлена обоснованность и место младописьменных форм глагола в общей системе форм. Данная работа пополнила сведения по сложению грамматической системы глагольного словоизменения в области прибалтийско-финского языкознания, что позволит в дальнейшем более точно сформулировать некоторые положения по происхождению того или иного показателя и приступить к подготовке академической и исторической грамматики вепсского языка. Результаты проведенного исследования имеют непосредственный выход в практику, поскольку дают возможность создания научно обоснованных и выверенных учебников для школ, средних специальных учреждений и пособий для вузов, которые активно составляются в настоящее время,

характеризующееся как новый этап возрождения вепсского языка, создания его письменной нормы и закладывания основ литературного вепсского языка.

Апробация работы была осуществлена:

– в подробном отчете для Российского гуманитарного научного фонда, при финансовой поддержке которого и осуществлялось данное исследование, где отчет был одобрен;

– на заседании сектора языкознания и Ученом совете Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН;

– в монографии “Вепсский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование” (Петрозаводск, 2002, 18 п.л.);

– во время выступлений на различных международных и отечественных конгрессах и форумах: Региональная конференция по проблемам истории, этнографии, языков и фольклора народов Евронейского Севера СССР (Апатиты, 1977); XVI Всесоюзная конференция финно-угроведов (Сыктывкар, 1979); VI Международный конгресс финно-угроведов (г. Сыктывкар, 1985); VIII Международный конгресс финно-угроведов (Ювяскюля, 1995), Международная конференция “Языки малочисленных народов Баренцева региона и литературные традиции” (Тромсе, 1997); IX Международный конгресс финно-угроведов (Тарту, 2000); юбилейные конференции, посвященные 50-летию Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, 1996), 275-летию Российской академии наук (Петрозаводск, 1999), и 70-летию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, 2000);

– в теоретических пособиях для студентов высших учебных заведений: “Грамматика вепсского языка”, ч. I (1995, 6 п.л.); “Грамматика вепсского языка”, ч. II (2000, 5 п.л.);

– в учебниках на вепском языке для школ: “Abekirj” (“Букварь”, 1991 – в соавторстве с Муллонен М.И.), “Lugem i pagizem vepsäks” (“Читаем и говорим по-вепски”, 1991 – в соавторстве с Муллонен М.И.), “Ičemoi lugemišt” (“Родное чтение”, 1994 – в соавторстве с Муллонен М.И.), “Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь” (1995 – в соавторстве с Муллонен М.И.); “Meiden sana” (“Родное слово”, 1998 – в соавторстве с Коттиной А.И., Максимовым А.П.), “Vepsän kelen grammatik. Teoretine openduzkirj 5-9 klassoiile” (“Грамматика вепсского языка для 5-9 классов. Теория” (2002), а также в научных статьях.

Структура и объем работы. Диссертация включает в себя предисловие, введение, три главы, заключение, список использованной литературы и некоторых принятых сокращений литературы и

сокращенных названий населенных пунктов на вепском и русском языках, материал из которых использован в работе, а также приложение с таблицами полного спряжения наиболее типичных глаголов в отдельных специально избранных для этой цели диалектных зонах, показывающих сходство и различие диалектов и говоров. Общий объем работы – 296 страниц компьютерного текста.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Система глагольных форм вепского языка и историческое прошлое их грамматических показателей имеют много общих черт, роднящих последний с прочими родственными прибалтийско-финскими языками. Знание исторического прибалтийско-финского фона позволяет теоретически и исторически проследить развитие отдельных грамматических показателей. Владение же всем диалектным вепским материалом способствует более точному выяснению всех возможных звукопереходов и промежуточных ступеней в развитии того или иного варианта показателя. Кроме того, это даст возможность определить место каждого отдельного говора или диалекта в историческом прошлом развития показателей глагольных категорий.

2. Выявление диалектного вепского материала в области глагольного словоизменения – наиболее сложной части грамматики вепского языка – позволяет более внимательно и с большей долей надежности проследить историю развития показателей глагольных форм и во всем многообразии прибалтийско-финских языков, дополняя ее сведениями по одному из родственных языков, сохранившим по многим моментам наиболее древнее положение вещей.

3. История развития грамматических показателей глагола в сравнительно-историческом и сопоставительном аспектах позволяют пронаблюдать моменты воздействия на систему глагольного словоизменения и на вепский язык в целом близко родственных языков, а также русского языка, вызвавшие некоторые изменения и отступления от правепской модели развития грамматики глагола.

4. Материал глагольного словоизменения позволил выйти в историю формирования диалектов и говоров вепского языка и представил возможности для предположений по этногенезу вепского народа, его контактов с другими родственными и неродственными народами.

5. Привлечение к исследованию материалов младописьменного вепского языка, осуществленное в науке впервые, анализ его фактов, выявление их закономерности и места в системе вепских диалектов способствует становлению, закреплению и развитию литературных норм и правил орфографии в грамматике глагола, и в целом – формированию

младописьменного вепского языка, создание которого предпринимаются с начала 1980-х годов.

Основное содержание работы

В предисловии представлена характеристика работы, содержатся сведения по общему строению работы, ее новизне, обоснованности выводов и т.д.

Введение содержит 4 раздела. В первом разделе помещены некоторые общие сведения о вепсах, происхождении их этнонима, вводящие в круг проблем, связанных с историей вепского народа, загадками его происхождения и развития, что отражается и на его грамматике, и происхождении ее форм. В первом разделе введения дается также краткий экскурс в историю создания вепской письменности, создающий почву для более адекватного восприятия отдельных языковых фактов грамматики младописьменного языка, которые привлекаются в научном исследовании как равные вместе с диалектным материалом.

Во втором разделе *“Изученность грамматики глагола”* представлен обзор литературы по теме глагольного словоизменения, которая послужила своеобразной опорой в начале исследования. Работы финских и венгерских языковедов XIX века Э. Леннрота, А. Алквиста, Й. Синнеи, Х. Базилиера имели характер небольших очерков, дающих общее представление о вепском языке в целом. Данные работы в настоящее время ценны тем, что в них в той или иной степени выявлен перечень форм грамматики вепского языка. Кроме того, именно они позволяют иметь материалы по вепскому языку и в некоторой исторической перспективе: если работа вышла в свет в середине XIX века, то можно предположить, что в ней отражение получил языковой материал середины или конца XVIII, начала XIX века. И поскольку памятники письменности на вепском языке практически отсутствуют, то именно названные работы являются самым ценным памятником языка. В последующих исследованиях нашли отражение особенности звукового строя вепского языка, его историческая фонетика, исследования в которой соответствовали периоду младограмматизма. Среди данных работ следует назвать, в первую очередь, фундаментальную *“Историческую фонетику вепского языка”* Э.А. Тункело¹ и *“Историческую фонетику южновепского диалекта”* Л. Кеттунена².

¹ Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria // SKST, № 228. Hki, 1946.

² Kettunen L. Lõunavepsa häälikajalugu. I: Konsonandid; II: Vokaalid. Tartu, 1922.

Именно они позволили, увязав исторические закономерности развития звуков со структурой грамматических показателей, проводить изыскания и в области исторической грамматики вепсского языка. В финском и эстонском языкознании имеется еще значительное количество статей по различным проблемам грамматики, лексики, синтаксиса вепсского языка, которые также послужили отправной точкой при написании данного исследования.

В отечественном языкознании вепским языком стали заниматься достаточно поздно. В 1930-е годы, период создания вепской письменности, интерес к языку только успел зародиться, а также было создано около трех десятков учебников в основном переводного характера для школ, которые представляют в настоящее время большую историческую ценность и которые послужили своеобразной базой при разработке основ вепсской письменности в конце 1980-х годов. Из научных же работ следует назвать статью М.М. Хямляйнена, опубликованную в III томе "Языков народов СССР" (М., 1966). Поскольку приоритет в исследовании вепсского языка принадлежал Финляндии, то статья ценна тем, что является, по существу, первым очерком, подготовленным в России, дающим общее представление обо всей структуре вепсского языка на основе одного из его говоров. Для нашего исследования важна работа и более позднего времени, выпущенная из-под пера известной исследовательницы вепсского языка М.И. Зайцевой³, в которой также приводятся сведения по всем срезам вепсского языка. Лингвистические материалы по грамматике глагола, краткое исследование которой, как и всей системы языка в целом, М.И. Зайцевой осуществлено на основе одного, шимозерского, говора использованы в нашей работе при привлечении сведений по названному говору с целью построения всего грамматического ряда глагольного словоизменения в диалектах и говорах вепсского языка. Кроме того, упомянутые сведения представляют интерес с той точки зрения, что шимозерского говора уже не существует; носители его были выселены со своих мест в 1950-е годы и были ассимилированы или другими вепскими говорами, или русским языком. В то же время лингвистические данные по названному говору необходимы для видения всей диалектной перспективы того или иного грамматического показателя глагола.

В третьем разделе "Введения" представлены основные особенности вепских диалектов, имеющие отражение, в первую очередь, именно в

грамматике глагола, которые известны науке и сведения о которых вводят в вепскую диалектологию, иллюстрируя размах говорных особенностей и их количество и качество.

В четвертом разделе "Введения" изложен основной грамматический состав форм глагольного словоизменения, которые подвергнуты исследованию в данной работе: категорий лица-числа, времени, наклонений основного и возвратного спряжений. В работе не преследовалась цель в полном объеме осветить именные формы глагола – инфинитивы и причастия, однако поскольку они тесно связаны либо с построением глагольных времен, либо с прогнозированием построения той или иной формы, то отдельные, наиболее тесно связанные с темой исследования вопросы происхождения названных форм имеют место в представленном исследовании. В последующих главах изложен теоретический, сравнительно-исторический, сопоставительный анализ форм грамматики вепсского глагола и проведены изыскания во всех названных областях.

В первой главе диссертации "Типы лексических основ глаголов в вепсском языке" исследованию подвергнута одна из сложнейших проблем грамматики вепсского глагола – проблема типов основ. Основа есть та часть глагольной словоформы, которая остается, если отбросить лично-числовой показатель. Ее принято называть *лексической* основой. Ту основу, которая включает в себя показатели времен и наклонений, принято называть *словоизменительной* основой. Словоизменительная основа и все изменения, происходящие в ней при присоединении показателей времен и наклонений, анализируется в соответствующих разделах, посвященных той или иной категории. В I же главе подвергнуты исследованию типы именно лексических основ глаголов, которые являются тем кирпичиком, на базе которого строятся все грамматические формы глаголов. Проблема представлена не только на вепском языковом материале, но и внесены существенные коррективы в ее теоретическое осмысление. Как известно, в прибалтийско-финском языкознании все глаголы по наличию в них типов основ принято делить на одноосновные и двухосновные. Предполагается, что названная оппозиция ведет свое начало уже из прибалтийско-финского языка-основы. Отсюда следует, что основы глаголов в близкородственных языках должны напоминать друг друга и в какой-то степени соответствовать друг другу. Вепсский язык внес в данную оппозицию существенные изменения, которые до сего времени не были предметом самостоятельного исследования.

³ Зайцева М.И. Грамматика вепсского языка. Л., 1981.

Вепский язык, сохранив и достаточно древнюю оппозицию, существенно изменил типы глагольных основ. Многие глаголы, которые в родственных языках являются одноосновными, в вепском языке приобрели статус двухосновных. Сравним для примера вепские глаголы *ištta* “сидеть” и *kasta* “смотреть” с согласной основой *išt-* (2 лицо мн. числа императива *išt-kat*) и *kas-* (форма императива 2 лица мн. числа *kas-kat*) и их финские соответствующие формы с тем же значением *istu-kaa* и *katso-kaa*, построенные на основе уже гласной основы. Переход из разряда в разряд, который характерен для глагольных основ вепского языка, объясняется развитием фонетики вепского языка, где с течением времени произошло отпадение звуков из многосложных слов и из тех двусложных, первый слог которых был исторически долгим или закрытым, что привело к образованию согласной основы и увеличению группы двухосновных глаголов. Однажды возникнув, согласная основа подобных глаголов прочно вошла и несколько перестроила грамматику, начав по модели двухосновных глаголов образовывать необходимые формы.

Но это явилось лишь одной посылкой в преобразовании типов основ. Вторым — и более существенным — дополнением к оппозиции одноосновных-двухосновных глаголов, свойственным родственным языкам, в вепском языке явилось появление еще одной, новой, оппозиции — краткой и долгой гласной основы (напр. глагол *tabata* “поймать”: *tabada-n* “(я) поймаю” — форма образована с использованием долгой гласной основы, и *taba-kat* “(вы) поймаете” — форма образована с использованием краткой гласной основы). Подобная оппозиция до настоящего времени в теории прибалтийско-финского языка не отмечалась. Однако анализ типов глагольных основ вепского языка не позволил нам, опираясь только на имеющиеся теоретические положения, охарактеризовать типы глагольных основ. Таким образом, мы вводим для синхронной грамматики вепского языка понятие *краткой* и *долгой* гласной основы, которые отличаются друг от друга целым слогом. Исследование в данной области позволило найти объяснение названному явлению из истории языка. Наблюдения показали, что краткая гласная основа выступает при построении форм в тех случаях, когда должна бы быть употреблена согласная основа. Это натолкнуло на мысль, не являлись ли глаголы с краткой и долгой гласной основами ранее в истории языка двухосновными. Сравнительный анализ глаголов подобной группы с материалом родственных языков утвердил нас в данной мысли. Краткая гласная основа является результатом переработки согласной основы, из которой выпало несколько звуков, преобразовав

согласную основу в краткую гласную. Думается, что краткая гласная основа возникла первоначально в каком-то одном типе глаголов, проникнув далее по аналогии и в другие типы глаголов. Анализ вепского материала и материала родственных языков, а также использование трудов по исторической фонетике вепского языка позволил предположить, что развитие могло произойти следующим образом, напр.: *teta* “знать” < **tet-täk*; *lōuta* < **leüt-täk*, *sāta* “делать” < **sät-tek*.⁴ Вполне возможно, что данное явление вначале могло осуществиться в инфинитиве и было свойственно именно тому типу глаголов, у которых конечный согласный звук согласной основы и начальный согласный звук показателя инфинитива были одинаковы, то есть это были глаголы с согласной основой на *-t*, после которого следовал показатель инфинитива *-ta*. Два *t*, находясь рядом, дали возможность одному из них сократиться, а затем стал действовать закон аналогии. Думается, что возможен и другой источник аналогии. В языке существует большая группа глаголов, в которых в составе согласной основы перед ее конечным согласным звуком выступает дифтонг на *-i* (*lūkāita* “отбросить”, *šokāita* “сунуть”). Названные глаголы исторически были двухосновными с согласной основой на *-t*, который следовал за дифтонгом на *-i*. Двойственная природа звука *-i*, который может восприниматься как полугласный, находясь в позиции на конце дифтонга, дала возможность выпасть конечному согласному основы, поскольку *-i* какое-то время создавал иллюзию закрытости слога и тем самым иллюзию наличия согласной основы. Впоследствии же произошло закрепление данного явления, и основа превратилась в гласную во всех аналогичных случаях, распространив свое влияние и на некоторые прочие группы глаголов.

Таким образом, для грамматики глагола в вепском языке существенно выявление двухосновных и одноосновных глаголов, а также среди одноосновных еще группы глаголов с краткой и долгой гласной основами, в которых краткая гласная основа выступает при построении тех форм глагола, где исторически выступала согласная основа.

Для грамматики вепского глагола существенное значение приобрела и основа инфинитива, которой в близко родственных языках оперировать не принято. При анализе большого количества материала нам удалось выявить и продемонстрировать в работе, что, пользуясь показателями инфинитива (*-ta* или *-da*), возможно прогнозирование типов основ глагола.

⁴Tunkelo E.A. Указ. соч. S. 174-175.

Во второй главе диссертации “Основное спряжение глаголов в вепском языке” рассмотрены формы лица-числа, времен и наклонений глаголов.

В первом разделе второй главы изложены наблюдения в области лично-числовых форм. Значение персональности воплощается в системе грамматических форм, которые показывают отношение действия к говорящему (1 л.), собеседнику говорящего (2 л.) и субъекту, который не является ни говорящим, ни собеседником (3 л.). В вепском языке, как и во многих других языках, данная категория тесно связана с категорией числа и грамматически воплощена в единых лично-числовых показателях, с помощью которых образуются все личные формы времен и наклонений. Поскольку в вепском языке существует оппозиция основного и возвратного спряжений, то естественно, что существуют и лично-числовые окончания основного и возвратного спряжений. В данном разделе исследованию подвергнуты лишь лично-числовые окончания основного спряжения.

Окончания 1 и 2 л. ед. числа, ведущие свое происхождение от личных местоимений 1 и 2 л. ед. числа, практически однотипны во всех прибалтийско-финских языках. В вепском языке они имеют вид: 1 л. – **-n** (*sanu-n* “(я) скажу”, *rape-n* “(я) положу”, *vala-n* “(я) налью”); 2 л. – **-d** (*sanu-d* “(ты) скажешь”, *rape-d* “(ты) положишь”, *vala-d* “(ты) нальешь”). Присоединяясь, лично-числовые окончания закрывают слог, но поскольку вепский язык утратил чередование ступеней согласных, то правило открытости-закрытости слога утратило для него свою остроту. Обращает на себя внимание лишь звонкость окончания 2 л., то есть, **-d** вместо свойственного родственным языкам **-t**. Характерной чертой вепского языка является озвончение во многих позициях как внутри, так и в конце словоформ, согласных звуков имен и глаголов. Причем отметим, что окончание 2 л. ед. числа **-d** и произносится звонко, в отличие, скажем, от норм произношения русского языка, в котором звуки в конце слова при произношении оглушаются.

3 л. ед. числа обладает лично-числовым окончанием **-b**, которое своим происхождением обязано суффиксу именной формы глагола ***-pa** и имеет праприбалтийско-финский возраст. На почве вепского языка произошло отпадение конечного гласного и переход **p>b**: *luge-b* “(он) читает”, *sanu-b* “(он) говорит”, *kata-b* “(он) укрывает”.

Особняком стоит форма 3 л. ед. числа в северновепском диалекте. В последнем она маркируется не только лично-числовым окончанием, но и качеством основы некоторых групп глаголов. Глаголы с основой на **-e** независимо от того, одноосновны они или двухосновны, в

северновепском диалекте обладают основой на **-o-**: *rakiye-n* “(я) прошу”, *rakiye-d* “(ты) просишь”, но *rakiye-b* “(он) просит”; *mañ'e-n* “(я) иду”, *mañ'e-d* “(ты) идешь”, но *mañ'o-b* “(он) идет”, *tege-n* “(я) делаю”, *tege-d* “(ты) делаешь”, но *teggo-b* “(он) делает”. Предполагается, что данный факт является результатом ассимиляции по способу образования. Существует и иная точка зрения, в соответствии с которой переход **e>o** был вызван былым существованием в прибалтийско-финском языке-основе двух **e**: отодвинутого назад и продвинутого вперед. Полагали, что словам переднего вокализма был свойствен продвинутый вперед **e**, а, соответственно, словам заднего вокализма отодвинутый назад **e**. Позднее с утратой гармонии гласных переход **e>o** в ряде говоров вепского языка обобщился. В более поздних исследованиях по исторической фонетике прибалтийско-финских языков данная точка зрения не получила дальнейшего развития. Тем не менее, в синхронном состоянии вепского языка представлены многочисленные случаи существования **e** разного характера (для примера, местоимение *p'ene* “эти”, где в одном и том же слове представлены два **e** разного характера – в первом слоге продвинутый вперед, во втором слоге отодвинутый назад **e**, – но здесь не существует никакого результата былой ассимиляции, как это может быть в случае с лично-числовым окончанием), которые достаточно легко бы было объяснить именно исходя из последнего положения. Любопытно отметить, что и в карельском языке в 3 л. ед. числа существует модель появления основы на **-o-**, распространенная в нем даже более широко и повсеместно (*kulko-u* “(он) шагает”, но *kule-n* “(я) шагаю”). Представители северновепского диалекта подвергались в свое время заметному влиянию карельского языка, которое отмечается исследователями вепсов в разных отраслях науки. Полагаем, что и обсуждаемое явление стало в северновепском диалекте закономерностью именно под влиянием карельского языка.

Кроме того, форма 3 л. ед. числа в северновепском диалекте маркируется еще удвоенными взрывными согласными **k, p, t, g, b, d**: *skokki-b* “(он) прыгает”, *teggo-b* “(он) делает”, *katta-b* “(он) укрывает”, *kaddo-b* “(он) теряет”, *hüppi-b* “(он) прыгает”, *lõbbu-b* “(он) поднимается”. Случаи удвоения согласных в форме 3 л. ед. числа считают рефлексом чередования ступеней согласных: исторически слог в форме 3 л. ед. числа был открытым и существовали условия для сильной ступени (**katta-pa*, форма причастия от глагола *katta* “накрывать”). Относительно чередования ступеней согласных в вепском языке в свое время существовала бурная дискуссия. Отсутствие чередования ступеней согласных в вепском языке снижало исторический “возраст” данного

явления, которому, например, известный исследователь исторической фонетики прибалтийско-финских языков Э. Сетяля отводил место уже в финно-угорском языке-основе. Вероятно, в вепском языке, находившемся на периферии прибалтийско-финского ареала, полная система чередования ступеней согласных на сложилась, а имело место лишь чередование взрывных согласных. Факт удвоения взрывных согласных в форме 3 л. ед. числа — чрезвычайно распространенное явление в северновепском диалекте. По аналогии в названной форме стали удваиваться и другие согласные звуки: *sanni-b* “(он) говорит”, *immo-b* “(он) сосет”, *kassu-b* “(он) смотрит”, *liččö-b* “(он) пихает”. Другими словами, названное явление в северновепском диалекте приобрело иной уровень, перейдя из фонетики в грамматику, где стало дополнительно маркировать форму 3 л. ед. числа. Думается, что и в этом случае можно обнаружить влияние на северновепский диалект карельского языка: в последнем явление чередования ступеней согласных представлено в полном объеме, и форма 3 л. ед. числа характеризуется сильной ступенью (*kule-n* “(я) шагаю”, но *kulko-n* “(он) шагает”), что могло сказаться и на северновепском диалекте, который также стал стремиться отделить форму 3 л. ед. числа от других лично-числовых форм не только лично-числовым окончанием, но и основой глагола.

Отрицательные формы строятся с помощью отрицательного глагола, к которому передвигается лично-числовое окончание, и лексической основы глагола (*en tule* “(я) не приду”, *ed tule* “(ты) не придешь”, *ei tule* “(он) не придет”). Предполагается, что отрицательный глагол восходит к основе отрицательного глагола *-e-. Некоторые языковеды во втором компоненте отрицательного глагола усматривали признак имперфекта *i*, что с точки зрения истории языка можно было бы признать безупречным объяснением. Но в современных прибалтийско-финских языках у отрицательного глагола отсутствует значение имперфекта. Кроме того, в ряде языков имперфект образуется и другим способом (например, при помощи суффикса *-s’-), и отрицательный глагол, таким образом, имеет формы и имперфекта, и презенса. В настоящее время более признанной является точка зрения, в соответствии с которой отрицательный глагол содержал исторически суффикс отглагольных существительных -jA (*ei* < *-e-jä)⁵.

Показатели форм 1 и 2 л. мн. числа исторически включали в себя три составных части: 1) показатель презенса *-k-, 2) первый слог личных

местоимений 1 и 2 л. мн. числа (-mV- или -tV-) и 3) признак мн. числа *-k-, впоследствии утраченный: то есть *-kmVk (1 лицо) и *-ktVk (2 лицо). Окончания названных лиц в вепском языке отличаются от представленной выше прамодели тем, что в них вместо исторического суффикса мн. числа *k употребляется и сейчас в ряде говоров показатель множественности *i*: *tule-mei* “(мы) придем”, *tule-tei* “(вы) придете”. Он существовал в этих формах уже в праприбалтийско-финское время наряду с суффиксом *k⁶. Данный вариант лично-числовых окончаний 1 и 2 л. распространен в западных говорах средневепского диалекта: *varasta-mei* “(мы) ждем”, *teda-mei* “(мы) знаем”, *tule-tei* “(вы) придете”, *praznoiče-tei* “(вы) празднуете”.

Кроме уже представленных вариантов, в языке функционируют окончания 1 и 2 л. с гласным иного качества внутри окончания, то есть с -a-: *seizu-mai* “(мы) стоим”, *pouze-mai* “(мы) встаем”; *seizu-tai* “(вы) стоите”, *pouze-tai* “(вы) встаете”. Вполне очевидно, что вепский язык унаследовал данную двойственность в составе окончания из праязыка. По мнению исследователей, первоначальным гласным в праязыке и был -a-. Появившийся впоследствии в прибалтийско-финских языках в составе окончания -e- — следствие воздействия системы лично-числовых окончаний двойственного числа, функционировавшего некогда в праязыке.

Варианты окончаний с -a- в их составе в южновепском диалекте имеют иную модификацию: *tego-mā* “(мы) делаем”, *ištu-mā* “(мы) сидим”; *māne-tā* “(вы) идете”, *vāzu-tā* “(вы) устанете”. В последнем произошла монофтонгизация дифтонга и появился долгий гласный вторичного происхождения. В южновепском диалекте названная закономерность представлена широко. В нем появилось достаточно большое количество долгих гласных вторичного происхождения в различных именных, и глагольных формах на месте дифтонгов на -i и на -u, например: *håg* “дрова” (ср. *haug* в других диалектах), *časū* “в час” (в других диалектах: *časuu* < *časul* < *časul*).

В северновепском диалекте и ряде восточных говоров средневепского диалекта гласных в составе обсуждаемых окончаний нет совсем; они с течением времени отпали, как отпали и многие другие конечные гласные двусложных слов и тех многосложных, у которых первый слог был исторически долгим или закрытым: *tule-m* “(мы)

⁵Häkkinen K. Suomen kielen äänne- ja muotokanteen historiallista taustaa // Fennistica, № 6. Turku, 1985. S. 121.

⁶Kettunen I. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus // SUST, № 86. Hki, 1943. S. 421; Аристо П. Примечания // Хакулинен Л. Развитие и структура финского-суоми языка, ч. I. М., 1953. С. 305.

придем", *sanu-m* "(мы) скажем", *pane-d* (*pane-t*) "(вы) положите"; *varasta-d* (*varasta-t*) "(вы) ждете". Варианты окончаний с одним звуком в их составе мы называем "краткими", в отличие от первых вариантов с гласными внутри, которые мы именуем "долгими". Это важно учитывать, поскольку долгий и краткий варианты окончаний 1 и 2 л. делят восточные говоры средневепского диалекта на две группы, в одну из которых входят шимозерские, пязозерские говоры, которые в этой ситуации можно классифицировать как переходные от средневепских к южновепским, хотя ранее они никогда к таковым не относились. Другая же группа восточновепских говоров (куйские, пондальские, войлахотские) проявляет сходство с северновепским диалектом, свидетельствуя либо об общности процессов, в них протекающих, либо о более поздних контактах названных говоров.

В качестве младописьменной нормы выступают краткие варианты окончаний: *sanu-m* "(мы) говорим", *luge-m* "(мы) читаем"; *kirjuta-t* "(вы) пишете", *peze-t* "(вы) моете". На наш взгляд, это довольно удачный выбор для младописьменного языка: во-первых, они не чужды языку, поскольку выступают во многих его говорах; во-вторых, данный выбор позволяет более наглядно различать лично-числовые окончания основного и возвратного спряжений (ср. *peze-m* "(мы) моем" и *peze-moi*, *peze-mei* "(я) умываюсь").

Форма 3 л. мн. числа в структуре глагольных лично-числовых форм стоит несколько особняком, поскольку является сплавом двух систем: активной и так называемой "пассивной" или имперсональной. При исследовании иллюстративного ряда примеров веппского языка бросается в глаза многообразие вариантов форм 3 л. мн. числа. В первую очередь, их следует разделить на две большие группы: формы с различными глагольными основами и различными окончаниями. Причина различия основ и окончаний кроется в том, что в веппском языке, как, например, и в карельском, произошло смешение по значению активных и пассивных по происхождению форм, а также активизация пассивных форм и употребление их в значении 3 л. мн. числа. Не все языковеды используют и согласны с термином "пассив" или "пассивная форма". Отдельные лингвисты считают, что подобному явлению больше подходит наименование "имперсонал", "неопределенно-личная форма" или даже "форма 4 лица". Тем не менее, какого-либо достаточно определенного и окончательного теоретического обоснования обсуждаемому явлению до сих пор не предложено. Более того, отказываясь и критикуя позицию выделения пассива, ученые вновь и вновь оперируют тем же самым термином. Мы не стали вступать в этот теоретический поединок,

поскольку для представленной работы более важным посчитали практическую представленность некоей формы и ее содержания в веппском глагольном словоизменении, а не то, каким образом она будет именоваться.

Вариативность форм 3 л. мн. числа в веппском языке, таким образом, произошла из-за исторического смешения пассивных и активных форм. Часть говоров веппского языка продолжает употреблять в качестве 3 л. мн. числа активную форму, в которой представлена лексическая основа презенса. Окончание названной формы *-ba*, *-bad*. Другие говоры используют в качестве активной пассивную по происхождению форму с окончанием *-s*, *-ze*, которое, соответственно, присоединяется к основе пассива с показателем *-ta-*, *-da-*.

Отметим, что активная по происхождению форма 3 л. мн. числа с окончанием *-bad-* и его вариантом *-ba* в той или иной степени свойственна всем диалектам и говорам веппского языка. Правда, в северновеппском диалекте круг глаголов, выступающих с данным окончанием, не велик, тем не менее, он существует (*rapo-ba* "(они) кладут", *mäpo-ba* "(они) идут"). В средневеппском диалекте употребление его значительно возрастает; в переходных к южновеппскому диалекту говорах и в самом южновеппском диалекте лично-числовое окончание *-bad* (*-ba*) присоединяется к любому глаголу: *varasta-bad* "(они) ждут", *luge-bad* "(они) читают", *sö-bäd* "(они) едят". Интересна картина в восточных говорах средневеппского диалекта. Пязозерские говоры проявляют исключительную близость к южновеппскому диалекту, употребляя достаточно регулярно лично-числовое окончание 3 л. мн. числа *-bad*.

Предполагается, что лично-числовое окончание *-bad* восходит, как и лично-числовое окончание 3 л. ед. числа, к суффиксу причастий настоящего времени, где кроме непосредственно причастного суффикса имеется показатель мн. числа *-d*: *-ba+d*. Вариант окончания *-bad* представлен в основном в южновеппском диалекте, который во многих отношениях сохраняет наиболее древнее положение вещей.

В ряде других говоров более употребительна в значении лично-числовой формы 3 л. мн. числа пассивная по происхождению форма (*nagrdaze* "(они) смеются", *sanutaze* "(они) говорят"). В данных формах окончание *-s*, *-ze* присоединяется к показателю основы пассива *-ta-*, *-da-*. Показатель пассива *-ta-*, *-da-*, превратившийся в веппском языке в его синхронном состоянии в 3 л. мн. числа в показатель основы, восходит, как полагают, исторически к каузативному суффиксу **-ta*. Кроме того, существует предположение, что главный компонент суффикса *-t-*, возможно, являлся по значению рефлексивным суффиксом.

При построении формы 3 л. мн. числа к ее особой основе присоединяется, в зависимости от диалекта, окончание *-s* или *-ze*: *käuda-s* (*käuda-ze*) “(они) ходят”, *varastada-s* (*varasteta-ze*) “(они) ждут”, *seišta-s* (*seišta-ze*) “(они) стоят”. Варианты окончаний *-s* и *-ze* восходит к бывшему окончанию пассива презенса **-ksen* (напр. *sadas* “добраться” *<*sä(t)a-k-sen*), где *k* – древний показатель презенса, *-sen* – окончание 3 л. В северновепском диалекте, где в окончании *-ze* содержится звонкий согласный, последний объясняется результатом озвончения в положении между гласными звуками, что было характерно для многих вепских лексем и форм (ср. напр. *kodi* “дом” и финск. *koti*). В других диалектах подобного озвончения не произошло, поскольку из окончания выпал гласный *-e*.

Следует отметить, что активизация пассивных форм и употребление их в значении 3 л. мн. числа существует во многих родственных прибалтийско-финских языках, и в этом отмечают влияние русского языка (конструкций типа “говорят, что бабушка дома”). Финский лингвист Нирви Р.Э., занимавшийся исследованием активизации пассивных по происхождению форм, проанализировал в свое время образцы вепской речи, подготовленные Л. Кеттуненом и П. Сиро на предмет встречаемости в них активных и пассивных по происхождению форм 3 л. мн. числа. Образцы речи, изданные в середине 30-х годов XX века, содержали зафиксированную речь людей середины и конца XIX века, то есть фактически речь вепсов около ~100-80 лет назад. На 43 страницах северновепских текстов пассивная по происхождению форма была употреблена в значении 3 л. мн. числа 155 раз, в то время как активная по происхождению форма только 5 раз. На 24 страницах средневепских текстов встретилась 41 раз пассивная по происхождению форма и 81 – активная. В южновепских текстах на 55 страницах удалось зафиксировать 163 случая употребления активной по происхождению формы и всего 50 случаев пассивной⁷. Выводы примерно те же самые, к которым пришли и мы в нашей работе при анализе современного вепского материала. Интересно отметить, что за данный период не произошло резкого скачка в победе пассивных форм над активными. Ситуация осталась стабильной, что свидетельствует о том, что процесс отбора грамматической формы не настолько скор. Пассивная по происхождению форма в значении 3 л. мн. числа практически одержала победу в северновепском диалекте. Думается, что здесь можно отметить, в первую очередь, несомненное влияние карельского языка, в котором активные по происхождению

формы совсем не сохранились. Южновепский диалект находится в этом случае как бы в полярном соотношении с северновепским диалектом: в нем достаточно сильна позиция активных по происхождению форм. Активные формы в нем употребляются как в активном, так и в чисто пассивном значении (*meiden derenas paštaba muga* “в нашей деревне пекут так” и *mamoi i baboi paštaba muga* “мама и бабушка пекут так”). Процесс смешения и неразграничения активных и пассивных форм идет дальше. В средневепском диалекте произошло своеобразное перераспределение ролей: активная по происхождению форма употребляется повсеместно в имперфекте (*sanuiba* “(они) сказали”, *tuliba* “(они) пришли”), пассивная же – в презенсе (*sanudas* “(они) говорят”, *tuudas* “(они) придут”).

Для младописьменного языка в качестве орфографической нормы выбрана, думается, достаточно продуманно, форма 3 л. мн. числа с лично-числовым окончанием *-ba*, то есть активная по образованию форма: *Libuda om tulnu aig, irdal lapsed vändaba* “Пора просыпаться, на улице ребята играют”. *Kidastaba jänišad händikahan polhe* “Кричат зайцы о волке”. *Käded sinun mamal oma kuldažed, kaik pesen tedaba* “Руки у твоей мамы золотые, все это знают”. Основанием для выбора в младописьменный язык данной формы послужило то, что она в той или иной степени известна всем диалектам вепского языка и должна пониматься носителями языка в текстах на младописьменном языке. Кроме того, данный выбор способствует формальному разграничению форм актива и пассива в младописьменном языке, что для агглютинативного языка, каковым является вепский, достаточно важно.

Отрицательные формы мн. числа вепского языка значительно отличаются от подобных форм близко родственных языков, например, финского и карельского. В них в отрицательных конструкциях основной глагол выступает лишь в форме гласной основы, и главную нагрузку при отрицании и указании на лицо несет отрицательный глагол (*emme lue* “(мы) не читаем; *ette lue* “(вы) не читаете”, *eivät lue* “(они) не читают”). В вепском же языке отрицательные формы строятся при паритетном участии отрицательного и основного глаголов. Обе составные части отрицательной формы указывают на множественность. При образовании отрицательной формы в вепском языке участвуют: 1) отрицательный глагол, к которому присоединяются лично-числовые окончания, как это происходит и в других прибалтийско-финских языках; 2) специфическая форма смыслового глагола, которая выступает лишь в отрицательных конструкциях и которая включает в себя формант *-koi*, *-goi*, присоединяющийся к основе презенса: *em tulgoi* “не придем”, *em lugekoi* “не читаем”, *em varastagoi* “не ждем”, *em pagiškoi* “не говорим”.

⁷ Nirvi R.E. Passiivimuotojen aktiivistumisesta // Suomi, № 104. Hki, 1947. S. 12.

Очевидно, вепсский язык стремился грамматически более четко закрепить различие между отрицательными формами ед. и мн. чисел. Названный формант, употребляемый со смысловым глаголом, сложен по своей структуре: он состоит исторически из двух частей – **-ka-* + *-i-*. В данном звуковом комплексе *-k-* является продолжателем древнего показателя презенса **-k*, который существовал и в форме **-ka-*, то есть, как это имеет место в императиве. В вепсском варианте существует еще вторая составляющая часть форманта – показатель множественности *-i-*, который присоединился к древнему показателю презенса **-ka-*, образовав с *-a-* дифтонг *-ai*. В процессе исторического развития в определенной позиции *ai > oi*, а затем сказалось действие закона аналогии, и в вепсскую грамматику вошел формант *-koi*. Отметим, что, например, в финском языке в отрицательной конструкции *императива* в основном глаголе также выступает форма с ауслаутом на *-ko* (*älkää lukeko* “не читайте”), которую трактуют как оптативную, обладающую более значением пожелания или призыва, нежели прямого приказа. Происхождение вепсского форманта (*ko < *ka-i*) – реконструкция, основывающаяся, прежде всего, именно на вепсском материале, где особенностей оптативного значения не выявляется. В интервокальной позиции, а также в позиции после звонких согласных появился вариант *-goi*. У каждого из названных вариантов (*-koi*, *-goi*) в современном вепсском языке свои условия употребления. Формант *-koi* присоединяется к краткой гласной основе глаголов, обладающих двумя типами гласных основ (*raimeta* “пасти”: *em raimet-koi* “(мы) не пасем”, *valita* “выбирать”: *em vali-koi* “(мы) не выбираем”); к согласной основе двухосновных глаголов, оканчивающейся на глухие *-s-*, *-š-*, *-p-*, *-t-*, *-k-*, *-h-*, *-c-*, *-č-* (*kastta* “намочить”: *em kast-koi* “(мы) не намочим”; *pagišta* “говорить”: *em pagiš-koi* “(мы) не говорим”; *lopta* “заканчивать”: *em lop-koi* “(мы) не заканчиваем”). Формант *-goi* выступает, когда глаголы одноосновны (*sada* “получить”: *em sa-goi* “(мы) не получим”; *toda* “принести”: *em to-goi* “(мы) не принесем”) и когда глаголы двухосновны, а их согласная основа оканчивается на *-l-*, *-r-*, *-m-*, *-n-*, *-z-*, *-ž-*, *-g-*, *-v-* (*nolda* “лизать”: *em nol-goi* “(мы) не лижем”; *purda* “кусать”: *em pur-goi* “(мы) не кусаем”).

Таким образом, смысловой глагол с формантом *-koi*, *-goi* в вепсском языке несет важную дополнительную информацию об отрицании. Если в прочих прибалтийско-финских языках смысл отрицания сосредоточен в отрицательном глаголе (напр. финск. *emme kirjoita* “(мы) не пишем”, карельск. *emma takua* “(мы) не спим”), то в вепсском языке смысловой глагол имеет свою особую форму, которая сигнализирует о том, что тот

или иной глагол стоит в отрицательной форме мн. числа (*em kirjutagoi* “(мы) не пишем”, *em tagakoi* “(мы) не спим”).

Форма отрицательного глагола в 3 л. едина в ед. и мн. числах: это *ei* (или ее фонетический вариант *ii*). В этом случае указание на множественность в отрицательной форме 3 л. мн. числа сосредоточено именно на форме смыслового глагола (*ei luge* “(он) не читает”, но – *ei lugegoi* “(они) не читают”). В отдельных говорах вепсского языка, а это больше всего характерно для северновепсского диалекта и куйско-войлахотских говоров средневепсского диалекта, наблюдается сужение дифтонга *-oi* в форманте *-koi*, *-goi* до *-ei*, *-ii* или даже до монофтонга, напоминающего звук, обозначаемый в русском языке буквой *ы*: *em ajagei* “(мы) не едем”, *em tulgii* “(мы) не придем”, *em roimgi* “(мы) не собираем”. В младописьменном языке употребляются отрицательные формы мн. числа с четко сохранившимся дифтонгом, а сужение дифтонга признается как диалектизм или своеобразие выговора того или иного говорящего.

Во втором разделе второй главы изложены теоретические и сравнительно-исторические изыскания в области форм времени. Формы времени соотносят действие, совершаемое глаголом, с моментом речи. Вепсский язык, как и другие прибалтийско-финские языки, обладает формами четырех времен: презенса, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта, а также еще отрицательного претерита.

Презенс, или настоящее время, показывает, что действие совпадает с моментом речи или будет совершено через некоторое время. Формы презенса воплощены в лично-числовых формах. Особого показателя у него нет, и выделение его как времени основывается на противопоставлении с формами других времен. Исторически презенс обладал показателем **-k*, рефлекс которого проявляется в построении многих вепсских лично-числовых форм и, прежде всего, отрицательных лично-числовых форм мн. числа. Предполагается, что исторически презенс существовал в двух вариантах: презенс с нулевым окончанием и презенс с названным показателем **-k*. Соотношение же в употреблении двух форм презенса исследователями исторической грамматики прибалтийско-финских языков еще не выяснено.

Презенс в вепсском языке, кроме совпадения действия с моментом речи, часто имеет значение будущего времени: *konz mō tulem mecaspäi, ka küubet' linneb vaumiž* “когда мы придем из леса, так баня будет уже готова”; *lugen vōl nesen knigan, ehtin* “прочитаю еще эту книгу, успех”.

Презенс употребляется и для выражения значения, не имеющего указания на определенного деятеля; скорее в подобных случаях речь идет

о неопределенном деятеле, или он вообще не подразумевается: *otaba jauhod, paba stolale, ližadaba solašt...* “берут муку, насыпают на стол, добавляют соль”; *i kävud, kävud sinna kaikuččel ehtal* “и ходишь, ходишь туда каждый вечер”; *vet valad kämnele da pezed, kumardatei da zavodiid-ki lüpsmaha* “наливаешь воды на ладонь, моешь руки, наклоняешься и начинаешь доить”.

Имперфект, или простое прошедшее время, обладает значением, называющим однократное действие в прошлом, связанное с определенным моментом речи. Имперфект имеет в вепском языке, как и в родственных прибалтийско-финских языках, специальный суффикс *-i-*, маркирующий словоизменительную основу имперфекта: *tulda* “прийти”: *tuli-n* “(я) пришел”, *sirta* “подвинуть”: *sirdi-n* “(я) подвинул”, *valada* “налить”: *valoi-n* “(я) налил”, *katkaiita* “переломить”: *katkaiži-n* “(я) переломил”. Названный показатель достаточно древен по своему происхождению; ему имеются этимологические соответствия от прибалтийско-финских до венгерского языков. Предполагается, что он ведет свое начало от словообразовательного суффикса, имеющего значение имени действителя **-j*⁸.

Для вепского языка, особенно его южновепского диалекта, кроме варианта суффикса *-i-*, характерны и довольно употребительны варианты *-ī-* и *-ii-*: *käveli-n* “(я) ходил”, *saneli-n* “(я) говорил”, *tuliin* “(я) пришел”, *rapiin* “(я) положил”. Вариант суффикса имперфекта *ī* имел ранее более широкое распространение. Исследователь исторической фонетики вепского языка Тункело Э.А. считает, что повсеместная палатализация лично-числовых окончаний 1 и 2 л. ед. числа в синхронном состоянии языка в средневепском диалекте в форме имперфекта (*tegin* “(я) сделал”, *rapin* “(я) положил”, *toin* “(я) принес”; *tegid* “(ты) сделал”, *ranid* “(ты) положил”, *toid* “(ты) принес”) есть не что иное, как результат действия прогрессивной ассимиляции по мягкости. Смягчение, по мнению Тункело, показывает, что в соответствии с законами развития исторической фонетики вепского языка впереди стоящий гласный звук, а в названных формах это показатель имперфекта *-i-*, был долгим⁹.

В эстонском и ливском языках наибольшее распространение получил признак имперфекта *-si-* (*-iz-*) (*ela-si-n* “я жил”), который произошел вследствие переразложения глаголов с основой на *-i-*: конечный согласный основы перешел, присоединившись к показателю имперфекта *-i-*, в разряд

формообразующих суффиксов (*maga-si-n* < **makat-i-n* “(я) спал”). Подобный суффикс имперфекта выделяет и П.М. Зайков при исследовании категорий карельского глагола, считая это правомерным, но, тем не менее, отмечая, что суффикс *-si-* ~ *-zi-* выступает в собственно карельском и людиковском наречиях только в определенной группе глаголов – в двухосновных стяженных глаголах¹⁰. Его аргументы в пользу выделения показателя *-si-* выглядят достаточно убедительными еще и в том аспекте, что в некоторых карельских диалектах существуют параллельные формы имперфекта с обоими показателями (напр., *makain* и *makasin* “(я) спал”).

В диалектах вепского языка также функционирует форма с *-zi-* (и ее вариантом *-ži-*): *magazi-n* “(я) спал”, *šlābāži-n* “(я) болтался”. Сочетание звуков *-si-* (*-ži-*) возникает в вепском языке у глаголов тогда, когда их лексическая основа оканчивается на *-da-*. В этом случае при присоединении показателя имперфекта *-i-* конечный гласный основы выпадает, как это происходит и в других типах многосложных глаголов (*varaida-n* “(я) боюсь” – *varaiž-i-n* “(я) боялся”), а оставшийся на конце основы *-d-* перед *-i-* чередуется с *-z-* (*-ž-*). Подобные чередования перед *-i-* в вепском языке существуют и в именах, и в формах мн. числа II причастия актива при присоединении к ним суффикса множественности *-i-* (*randut* “бережок”: *randude-n* “бережка” – *randuz-i-d* “бережков”; *mahut* “земелька”: *mahuden* “земельки” – *mahuz-i-d* “земелек”; *sönu* “евший”: *sönude-n* “евшего” – *sönuz-i-d* “евших”; *voiknu* “плакавший”: *voiknude-n* “плакавшего” – *voiknuuz-i-d* “плакавших”). Поэтому, на наш взгляд, в вепском языке достаточных оснований считать *-si-* (*-ži-*) особым показателем имперфекта нет. В вепском языке это позиционно обусловленное чередование звуков: в многосложных словах *d > z* перед *i*; в том же случае, когда *-z-* расположено между двумя *-i-*, то *d > ž* (*teda-n* “(я) знаю” – *tez-i-n* “(я) знал”; но: *plakaida-n* “(я) щелкну” – *plakaiž-i-n* “(я) щелкнул”).

При присоединении суффикса *-i-* лексическая основа отдельных глаголов остается неизменной. Прежде всего, это касается немногочисленной группы глаголов с лексической основой на *-i-*. У данных глаголов основы презенса и имперфекта совпадают: *kärdä* “заворачивать”: *käriin* “(я) заворачиваю и (я) заворачивал”, *sobd’a* “одевать”: *sobiin* “(я) одеваю и (я) одевал”.

Если лексическая основа глагола *односложна*, то в ней в ряде говоров (южновепские, северновепские, пондальские говоры средневепского диалекта) также не происходит никаких изменений. При этом суффикс *-i-*

⁸ См. напр. Серебрянников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964. С. 99-100; Hakkinen K. Указ. соч. С. 116.

⁹ Tunkelo E.A. Указ. соч. С. 823, 827-835.

¹⁰ Зайков П.М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000. С. 110.

образует с конечными гласными звуками основы -а-, -ä-, -о-, -ö-, -е- дифтонг: sa-n “(я) получу” – sai-n “(я) получил”; jä-n “(я) останусь” – jäi-n “(я) остался”; lo-n “(я) осую” – loi-n “(я) основал”; to-n “(я) принесу” – toi-n “(я) принес”; mö-n “(я) продам” – möi-n “(я) продал”; lö-n “(я) быю” – löi-n “(я) бил”; sö-n “(я) ем” – söi-n “(я) ел”; ve-n “(я) отнесу” – vei-n “(я) отнес”.

Если лексическая основа глагола *двусложна*, то глаголы такого типа независимо от того, являются они одноосновными либо двухосновными, можно разделить на три группы: глаголы с основой в исходе – 1) на -о-, -ö-, -и-, -ü-, 2) на -е-, 3) на -а-.

1). Глаголы с основами на -о-, -ö-, -и-, -ü- образуют при присоединении показателя прошедшего времени -i- с конечным гласным основы дифтонг -oi-, -ui-: sido-n “(я) завяжу” – sidoi-n “(я) завязал”; kusi-n “(я) зову” – kusui-n “(я) звал”;

2). Глаголы с основой на -е- при присоединении суффикса -i- утрачивают -е-: tule-n “(я) приду” – tuli-n “(я) пришел”; mäne-n “(я) иду” – mäni-n “(я) шел”;

3). *Двусложные* основы на -а- при присоединении суффикса -i- не имеют стабильного правила. Группа глаголов с двусложной основой на -а в вепском языке по сравнению с родственными языками значительно шире, поскольку пополнилась за счет части глаголов из разряда основ на -ä-, исторически перешедших в разряд основ на -а- из-за утраты гармонии гласных в вепском языке. Таким образом, конечный звук -а- в двусложных глагольных основах в вепском языке имеет исторически разное происхождение: в одних случаях это примарный -а- (katan “(я) укрою”, valan “(я) налью”), в других – секундарный, возникший из -ä- (heitan “(я) сниму”, keitan “(я) сварю”). Отсюда разное поведение в вепском языке в его синхронном состоянии конечного гласного -а- при присоединении суффикса имперфекта -i-: примарный -а- > -oi- (katoin, valoin “укрою, налью”), секундарный -а- > а (heitin, keitin “снял, сварил”).

В *многосложных* основах на -а- конечный гласный основы при присоединении суффикса имперфекта -i- утрачивается: varasta-n “(я) жду” – varasti-n “(я) ждал”; kadota-n “(я) потеряю” – kadoti-n “(я) потерял”.

При присоединении показателя имперфекта чередования происходят не только в системе гласных звуков, но и согласных. Причем здесь, как и во многих других случаях в вепском языке, немаловажное значение имеет слоговая структура слова. И, таким образом, в современном вепском языке в форме имперфекта суффикс -i- при присоединении вызывает следующие изменения звуков:

1) d > z: alenda-n “(я) понижу” – alenzi-n “(я) понизил”. Чередование наиболее характерно для *трехсложных* основ, однако, есть достаточное количество исключений, характерных и для *двусложных* гласных основ с ауслаутом на -nda-, -rda- (kānda-n “(я) переверну” – kāndi-n “(я) перевернул”). В северновепском диалекте в данном случае встречаются параллельные формы (kāndi-n ~ kānzi-n “(я) перевернул”);

2) d > ž. Звукопереход характерен *трехсложным* основам на -aida- ~ -āida: lūkaida-n “(я) брошу” – lūkaiži-n “(я) бросил”; potkaida-n “(я) пну” – potkaiži-n “(я) пнул”;

3) t > s. Звукопереход осуществляется чаще всего в *двусложных* основах с исходом на -ta-, -te-: saupta-n “(я) закрою” – saupsi-n “(я) закрыл”; lankte-n “(я) упаду” – lanksin “(я) упал”.

4) t > č. Звукопереход зафиксирован исследователями вепского языка лишь в шимозерских говорах средневепского диалекта, где -t- в этой позиции геминирован, и гемината переходит в -čč-: katte-b “(он) переломится” – kačči “(он) переломился”; ratte-b “(он) распорется” – račči “(он) распоролся”.

При образовании лично-числовых форм имперфекта употребляются те же лично-числовые окончания, что и в презенсе. Особенность заключается лишь в том, что лично-числовые окончания 1 и 2 л. ед. числа в южно- и средневепском диалектах в форме имперфекта всегда смягчаются (за исключением северновепского диалекта): rajati-n’ “(я) пел”, lugi-n’ “(я) читал”.

В 3 л. ед. числа по традиции, свойственной всем прибалтийско-финским языкам, окончание не употребляется, и в качестве соответствующей грамматической формы выступает основа имперфекта: sanui “(он) сказал”, ajoi “(он) поехал”. Показатель имперфекта в данном случае в вепском языке часто выпадает, оставляя о своем былом присутствии напоминание смягчением впереди стоящего согласного звука: unoht’ “(он) позабыл”; murenz’ “(он) разбил”.

Форма имперфекта 3 л. мн. числа в диалектах вепского языка, как и форма презенса, двойственна. В ней также сказались смешение активных и пассивных форм имперфекта. Лично-числовое окончание активной по происхождению формы совпадает с окончанием презенса: tuli-ba “(они) пришли”, sanui-ba “(они) сказали”. Данный вариант формы 3 л. мн. числа характерен для южновепского и средневепского диалектов. Пассивная по происхождению форма, употребляемая в значении 3 л. мн. числа, строится на базе исторической основы пассива имперфекта с показателем -ti-, к которой присоединяется окончание -he (mänd’he “(они) ушли”; sanutihe “(они) сказали”). Первичным в данном окончании был

праприбалтийско-финский звуковой комплекс *-sen, содержащий в своем составе достаточно древний компонент *-sV, издревле указывающий на 3 л. Северновепский диалект обладает только данным вариантом формы 3 л. мн. числа, напоминая карельский язык, не без влияния которого явление в вепском языке и возникло.

Отрицательные формы ед. числа имперфекта строятся в вепском языке с помощью отрицательного глагола и формы II причастия актива ед. числа. II причастие актива обладает на почве вепского языка двумя вариантами суффикса -*nu* и -*nd*. Исторически они восходят к одному и тому же праприбалтийско-финскому звуковому комплексу -*nUt*. Его происхождение не нашло, на наш взгляд, достаточно приемлемого объяснения. Полагают, что в нем, возможно, объединено несколько суффиксов: -*nA* (ср. финск. *lumina* “гуд, звон”) и -*Ut* (ср. финск. *ohut* “тонкий” < *oha*)¹¹. В вепском языке из суффикса в одних случаях выпал конечный -*t* (*sambu**nu* “угасший”, *lugen**nu* “читавший”), в других случаях из состава суффикса утратился гласный, превративший суффикс в набор двух согласных звуков -*nd* (*sambu**nd*, *lugen**nd*). Первый вариант суффикса присоединяется к согласной основе двухосновных глаголов (*pur*-*nu* “укусивший”), к краткой гласной основе, если глагол обладает двумя гласными основами (*lūkāi*-*nu* “толкнувший”, ср. долгая основа: *lūkāida*-*n* “(я) толкну”), или к основе одноосновных глаголов (*sapu*-*nu* “сказавший”). Данный вариант суффикса наиболее характерен для северновепского диалекта. В других диалектах он встречается sporadически. Вторым вариантом суффикса (-*nd*) наиболее характерен для южновепского и средневепского диалектов. Причем, в них отмечается и дальнейшее сокращение суффикса, поскольку из него выпадает часто согласный -*d*: *en* *rihe*-*n*. Однажды возникнув, вариант суффикса -*nd* достаточно сильно различает формы причастий, поскольку всегда присоединяется к гласной основе (ср. *rihe*-*nd*), в то время как вариант -*nu* всегда присоединяется к согласной основе (*pur*-*nu* “укусивший”). Таким образом, формы отрицательного имперфекта ед. числа выглядят следующим образом: *en* *lugen**nu* (*en* *lugen**nd*) “(я) не читал”, *ed* *lugen**nu* (*ed* *lugen**nd*) “(ты) не читал”, *ei* *lugen**nu* (*ei* *lugen**nd*) “(он) не читал”, где указание на лицо заключается в отрицательном глаголе, поскольку именно он содержит лично-числовое окончание.

Отрицательные конструкции мн. числа в диалектах вепского языка чрезвычайно многообразны. Отличия в конструкциях есть не только между диалектами, но и между говорами и группами говоров. Прежде

всего, данные конструкции отличаются от отрицательных конструкций ед. числа тем, что в них отрицательный глагол имеет лично-числовые окончания мн. числа. Смысловый глагол в диалектах вепского языка стоит:

- a) в форме II причастия актива с формантом -*koī*, -*goī*;
- b) в форме ед. числа II причастия актива;
- c) в форме причастия пассива.

Форма причастия актива ед. числа в отрицательных конструкциях в средне- и южновепском диалектах выступает с формантом -*koī*, -*goī*: *en* *tišnapoī* “(мы) не пришли”, *en* *sapupoī* “(мы) не достали”. В южновепском же диалекте возможно употребление причастия и без названного форманта; в этом случае на множественность указывает отрицательный глагол: *emā tulend* “(мы) не пришли” (ср. в ед. числе *en* *tulend* “(я) не пришел”).

В северновепском диалекте, в котором наблюдается последовательная победа в 3 лице мн. числа пассивных форм над активными, и в отрицательных конструкциях также используется только пассивное причастие. Причастие пассива строится при помощи суффикса, который выступает в двух вариантах -*tud* и -*dud* и который присоединяется к лексической (к гласной основе, а если глагол обладает двумя гласными основами, то к краткой гласной основе; если же глагол двухосновен, то к согласной основе) основе глагола: *sapu*-*n* “(я) скажу” – *sapu*-*tud*, *aja*-*n* “(я) еду” – *aje*-*tud*, *varasta*-*n* “(я) жду” – *varasta*-*dud*. Суффикс причастия пассива -*tud*, -*dud* в своем составе содержит показатель пассива -*t-*, который имеет место во всех пассивных формах. Происхождение же гласного -*u-* в составе суффикса причастия пассива пока не имеет достаточно четкого объяснения. Существует предположение о связи -*u-* с суффиксом отглагольных имен действия¹².

Причастие пассива, употребляемое при образовании положительных и отрицательных глагольных форм мн. числа, в вепском языке имеет всего одну форму, которую мы называем “исторической формой ед. числа”. При образовании обсуждаемых временных конструкций выступает именно данная форма. Почему же в вепском языке у причастия пассива отсутствует противопоставление в числе? Подобные формы причастия на -*tud* отмечены и в эстонском языке (*nähtud* “увиденный”), где предполагается, что они являются по происхождению аналогией формам активных причастий (*näinud* “увидевший”). Э.А. Тункело полагал, и с

¹¹ Häkkinen K. Указ. соч. С.128.

¹² Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljäs korjattu ja lisätty painos. Hki, 1979. S. 221.

этим нельзя не согласиться, что подобное объяснение не годится для вепсского языка. У причастия актива в вепсском языке в ед. числе достаточно рано отпал конечный *-t* из суффикса, и теперь оно имеет в номинативе в основном без *t*-овый вид (*otnu* “взявший”). Если предположить, что в вепсском языке также действовал закон аналогии, то вполне закономерно считать, что формы причастий актива и пассива с *-t* в ауслауте должны были существовать в языке в одно и то же время. Но если таковое было возможно, то закон отпадения конечных согласных в номинативе должен был коснуться и форм причастий пассива. Тем не менее, форма причастия пассива имеет сейчас в языке суффикс *-tud*, *-dud*. Думается, что следует еще раз вернуться к мнению Э.А. Тункело¹³, который полагал, что вепсская форма причастия пассива в ее синхронном состоянии есть не что иное, как застывшая форма партитива с окончанием *-d*, которое исторически имело в своем составе еще и гласный звук (*ottud* “взятый” < **ottaðu-ta*). Впоследствии окончание партитива *-d* вошло в состав суффикса и, слившись с ним, образовало новый вариант суффикса причастия пассива *-tud* (*-dud*). Поскольку это застывшая падежная форма, то она не позволила причастию иметь в языке какие-либо иные словоизменительные формы; поэтому форма причастия пассива остается всегда неизменной. В поддержку точки зрения Тункело на происхождение показателя причастия пассива *-tud* говорят и некоторые языковые формы, не принятые ранее во внимание, а именно формы пассивных причастий в форме партитива мн. числа (типа *raštuid* “испеченных”). Это единственно возможные иные, кроме основной формы (*raštud*), варианты форм причастия пассива в современном вепсском языке, которые употребляются уже от редких глаголов; и они имеют значение именно партитива мн. числа. Поскольку форма на *-tud* (*-dud*) исторически являлась партитивом ед. числа, то в языке и возможно было образование формы только партитива мн. числа при помощи суффикса мн. числа *-i*, встающего после основы перед окончанием партитива *-d*.

В говорах Куи и Войлахты, принадлежащих к восточным говорам средневепсского диалекта, при образовании отрицательных форм мн. числа имперфекта выступает особая, исключительно редкая, форма, мало известная науке. Строится она также посредством лично-числовых форм отрицательного глагола и II причастия актива, которое, кроме собственно показателя *-nu*, обладает еще формантом *-hu* (*em lähtnuhu* “(мы) не пошли”). Указанная форма причастия напоминает в какой-то степени форму причастия ливвиковского наречия карельского языка, которая

образует отрицательные конструкции ед. числа имперфекта (*ei tuonnuh* “(он) не принес”).

Тункело Е.А. предполагал, что обсуждаемая форма причастия произошла из формы мн. числа II причастия актива: *kuinuhud* “слышавшие” < **kuinuhet*. При этом он считал, что названный звукопереход на почве вепсского языка объяснить невозможно; можно лишь предположить, что он свершился не в вепсском языке, а был привнесен в него из карельского языка¹⁴. Современные углубленные исследования в области топонимии вепсского ареала свидетельствуют о том, что на данной территории имелись единичные, точечные поселения карелов, язык которых мог послужить источником для заимствования данной модели в восточный диалектный ареал языка вепсов.

Перфект и плюсквамперфект являются сложными глагольными временами, возникшими в более позднее время, нежели имперфект. Перфект имеет значение действия, которое было совершено в прошлом, но результат которого виден и в настоящее время и, возможно, будет продолжаться в будущем. Плюсквамперфект же называют предпрошедшим временем. Обе названных временных формы строятся при помощи вспомогательного глагола в формах презенса (перфект: *olen tulnu* “(я) пришел”; *en ole tulnu* “(я) не пришел”) или имперфекта (плюсквамперфект: *olin tulnu* “(я) пришел”; *en olend tulnu* “(я) не пришел”) и причастия актива в зависимости от числа в формах ед или мн. чисел или причастия пассива (*olem tuldud* “(мы) пришли” – перфект; *olim tuldud* – плюсквамперфект). Глаголы в названных временах обладают формами ед. и мн. чисел (*olen tulnu* “(я) пришел” – *olem tulnuded* “(мы) пришли”). В ед. числе причастие актива во всех диалектах выступает в форме ед. числа. Во мн. числе причастие актива в средневепсском и спорадически в южновепсском диалектах (здесь чаще причастие стоит в форме ед. числ: *em olgoi tulend* “(мы) не пришли”) имеет форму мн. числа (перфект: *olem tulnuded* “(мы) пришли”, *em olgoi tulnuded* “(мы) не пришли”; плюсквамперфект: *olim tulnuded*, *em olnugoi tulnuded*). В северновепсском диалекте во мн. числе употребляется, как и в карельском языке, причастие пассива с показателем *-tud*, *-dud* (перфект: *olem kactud* “(мы) смотрели”, *em olgii kactud* “(мы) не смотрели”; плюсквамперфект: *olim kactud*, *em oldud kactud*).

Исследователи вепсского языка в южновепсском диалекте выделяют еще одну – особую – форму вепсского отрицательного спряжения, в которой смысловой глагол обладает формантом *-ške*: *emä nägiške* “(мы) не

¹³ Tunkelo E.A. Указ соч. С. 136.

¹⁴ Tunkelo E.A. Указ. соч. С. 210-211.

видели". Обсуждаемая форма имеет значение отрицания протекания действия в прошлом без точного указания на время, как это имеет место, например, в имперфекте, перфекте или плюсквамперфекте. Данной форме было присвоено наименование *отрицательного претерита* на -ške. Форма, кроме того, на наш взгляд, имеет явно чувствующийся оттенок каузативности-фреквентативности: ep tegiške "не делывал", ep pägışke "не видывал". Обсуждаемая форма с недостаточно четким определением времени действия в прошлом является как бы соответствием по значению русскому прошедшему времени на -л.

В работах отечественных лингвистов форма претерита на -ške в качестве особой не выделяется. К форме отрицательного претерита наибольший интерес проявил в свое время известный исследователь исторической фонетики южновепского диалекта и синтаксиса вепских диалектов из Финляндии Яаури Кеттунен. Именно он назвал ее претеритом и одним из первых предложил объяснение происхождения данной формы. По его мнению, основой для происхождения суффикса претерита являются формы причастий от глаголов с суффиксом -škende-, где *-skenuť > -ške¹⁵. Эстонская исследовательница А.Кяхрик, занимавшаяся проблемой сложения системы спряжения южновепского диалекта, обратила пристальное внимание на отрицательный претерит на -ške. За исходное положение она приняла точку зрения финского лингвиста А.Турунена (он полагал, что основой претерита послужили формы кондиционала и словообразовательный суффикс -gande¹⁶), основываясь на которой, она предложила следующий путь развития показателя: *ep jagaškendend "(я) не стал делить" > *ep jagaškend > ep jagaške¹⁷.

Современный сбор лингвистического материала показывает, что форма претерита утратила свою частотность и практически не встречается (если она там и существовала!) в северновепском и средневепском ареалах. Но в южновепском диалекте данная форма является излюбленным способом отрицания действия в прошедшем времени (ei andiške "(он) не давал", ep kuliške "(я) не слыхала", em oliške "(мы) не бывали").

В третьем разделе II главы рассмотрены формы наклонений. Для вепского языка характерны индикатив, императив и кондиционал. Форма

потенциала, или возможностного наклонения, которая по справедливому замечанию П.М. Зайкова, является "живой грамматической категорией главным образом в карельском и финском"¹⁸, отмечена в некоторых фольклорных текстах северновепского диалекта, куда она, на наш взгляд, из карельского языка и была заимствована. Ее не удалось выявить ни из образцов вепской речи средне- и южновепского диалектов, ни при специальном опросе. Очевидно, названное наклонение и не было в вепском языке распространено, а в современном языке его значение передается посредством условного наклонения.

Индикатив, или изъявительное наклонение, передает значение реальности существования, протекания действия, и не имеет своего показателя. А поскольку императив и кондиционал обладают показателями, то индикатив по отношению к ним характеризуется нулевым показателем.

Императив, или повелительное наклонение, имеет значение приказа, побуждения, воли или приглашения говорящим к совместному действию. Оно обладает специальным показателем, который присоединяется к основе глагола (нет показателя лишь в форме 2 лица ед. числа, где глагол выступает в форме гласной основы глагола: rapе "положи!", luge "читай!"). Показатель императива в вепском языке существует в двух вариантах -ka-, -ga, появление которых являются результатом звукового окружения.

В вепском языке формы императива необычайно употребительны. Лично-числовые окончания в нем едины с индикативом и, в отличие от карельского языка, постоянно употребляются; каждое лично-числовое окончание присоединяется к основе императива, обладающей вариантами суффикса императива -ka-, -ga-, -g-: tul-ga-m "(мы) пойдем!", läh-ka-m "(вы) пойдите!", rap-g-ha "(они) пусть идут!". Вариант суффикса -ka- выступает после глухих согласных (pagiš-ka-t "(вы) говорите!"); вариант -ga- соответственно после звонких согласных в согласной основе и после гласной основы (poim-ga-m "давайте соберем!"); вариант -g- выступает чаще всего в форме императива 3 л., которое обладает окончанием -ha. Перед h в вепском языке действует постоянная закономерность выпадения гласных звуков в различных формах (mascas "в лесу", но -mescа "в лес"; avaidamas: инессивная форма III инфинитива от глагола avaita "открывать", но - avaidamha: иллативная форма названного инфинитива). Выпадение гласного -a- из состава варианта суффикса -ga- (в варианте -ka- подобного выпадения не происходит) подвержено

¹⁵ Kettunen L. Указ соч. С. 462.

¹⁶ Turunen A. Vepsän ja lyödin verbijohdotimet -ganden, -gänden ja -škanden, -škänden // SUST, № 150. Hki, 1973. S. 448-449.

¹⁷ Kährik A. Das Problem des vereinigenden Präteritums im Wepischen // Советское финно-угроведение, № 3. Таллинн, 1978. С. 167.

¹⁸ Зайков П.М. Указ. соч. С. 246.

действию именно названной закономерности. Причем она настолько распространена, что вошла и в младописьменный язык.

Уже отмечалось, что лично-числовые окончания мн. числа индикатива в диалектах существуют в кратком и долгом вариантах: *tulemei* и *tule-m* “(мы) придем”. Любопытно, что в императиве в тех случаях, где в индикативе выступает долгий вариант окончания, как показал наш анализ, употребителен всегда только *краткий* вариант окончаний 1 и 2 лиц мн. числа (*tulgam* “давайте пойдём!”, *rangam* “давайте положим!”, ср. в презенсе *tulemei* “(мы) придем”, *rapemei* “(мы) положим”). Потребовала ли интонация побуждения более краткой формы или действовали какие-то другие факторы, сказать трудно. Тем не менее, это свершившийся факт. Названный факт в современном языке является дополнительным маркером формы императива в тех говорах, где в индикативе характерен долгий вариант лично-числового окончания.

Отрицательные формы строятся посредством вспомогательного глагола в форме императива и смыслового глагола; во мн. числе смысловой глагол обладает формантом *-koi*, *-goi* (*ala luge* “не читай”, *algam māngoi* “давайте не пойдём”).

Кондиционал, или условное наклонение, дает представление о действии, которое воспринимается как желаемое, возможное или чем-либо обусловленное. В вепском языке, как и в других языках северной группы прибалтийско-финских языков, кондиционал обладает суффиксом *-iži-*: *kacu-iži-n* “(я) смотрел бы”; *tul-iži-n* “(я) пришел бы”. Предполагается, что суффикс кондиционала *-iži-* состоит из двух частей: *-iž-* и *-i-*, где вторая часть (*-i-*) – не что иное, как показатель имперфекта. Первая же часть *-iž-*, по мнению историков языка, по происхождению – один из словообразовательных суффиксов, который со временем приобрел формообразующий характер. Л. Хакулинен считает, что обсуждаемый суффикс первоначально мог иметь вид *-*ŋsi-*, *-*ŋt'si* и выступал в ряде глаголов типа современного финского *vala-ise-n* “освещаю”¹⁹.

Суффиксом кондиционала в вепском языке является *-iži-*, а не *-isi-*, как, например, это имеет место в финском языке, что вполне объяснимо: находясь в интервокальной позиции, по законам развития вепского языка *s > z*. Кроме того, в вепском языке действует закон, в соответствии с которым *z > ž* или *s > š*, если *s* или *z* стоят после *i*.

Находясь в глагольной форме в позиции второстепенного ударения, первый *-i-* в отдельных говорах может удлиниться, т.е. *-iži->-iži-*. Это

случается чаще всего в северно- и южновепском диалектах, когда суффикс кондиционала присоединяется к глаголам с основой на *-i-* (*dogon-iži-n* “(я) догнал бы”, *paved-iži-n* “(я) любил бы”), либо к глаголам с основой на *-e-*, где при присоединении суффикса кондиционала это *-e-* выпадает, и первый *-i-* суффикса *-iži-* удлинняется (*kävel-iži-n* “(я) ходил бы”, *rakič-iži-n* “(я) просил бы”). Кроме того, в названных диалектах первый *-i-* может удлиниться и в первом заударном слове в глаголах, имеющих основу на *-e-*: *ole-n* “(я) есть” – *ol-iži-n* “(я) был бы”, *tege-n* “(я) сделаю” – *teg-iži-n* “(я) сделал бы”. Любопытно отметить, что северновепский и южновепский диалекты обладают очень немногими объединяющими их между собой элементами. Они как бы стоят на разных полюсах. Удлинение *-i-* в варианте суффикса кондиционала *-iži-*, а также и долгий *-i-* в той же позиции в качестве показателя имперфекта индикатива одни из таких немногих явлений, связывающих названные диалекты между собой и противопоставляющих их по данным признакам другим говорам.

В современном вепском языке кондиционал обладает *четырьмя* временными формами: презенсом, имперфектом, перфектом и плюсквамперфектом. В истории исследования грамматики вепсов не все названные временные формы выделяются. В наиболее ранних работах, принадлежащих, в основном, перу лингвистов Финляндии, четкого представления о временах в кондиционале не наблюдается. Так, например, Э. Леннрот в своей работе, являющейся первым описанием структуры вепского языка, лишь в примерах показывает, что в языке имеется форма кондиционала²⁰. Венгерский языковед Й. Синнеи, специалист по сравнительному урало-алтайскому языкознанию, в своей работе по вепскому языку 1881 года, в которой он попытался систематизировать все знания по грамматике вепского языка того времени, выделяет у кондиционала три временные формы: презенс, претерит и так называемый “звентив”, который еще классифицируют как “конъюнктив”²¹, отличие которого от “претерита” на почве вепского языка не совсем понятно; можно предположить, что имеется в виду смешанная форма потенциала-кондиционала (*-ne-t-isi-*), и с точки зрения современного вепского языка здесь быстрее всего налицо специфическая, сугубо вепская форма имперфекта кондиционала

¹⁹ Hakulinen L. Указ соч. С. 246.

²⁰ Lönnrot E. Om det Nord-tschudiska Språket. Hki, 1853. S. 44.

²¹ Szinnyei J. A veps nyelvről // Nyelvtudományi közlemények, № XVI. Budapest, 1881. S. 426-428.

(показатель **-nuizi-**) с дифтонгом, подвергшимся сужению (mi>ei), что является для вепсского языка достаточно обычным фактом.

В последующем, в вепсском языке в формах кондиционала Л. Кеттунен, например, выделял две формы времени: презенс и перфект²². В отечественных исследованиях относительно количества времен кондиционала также нет единства. М.М. Хмяляйнен выделял два времени: презенс и имперфект. В работе М.И. Зайцевой по грамматике шимозерских говоров дано уже три времени: презенс, перфект и плюсквамперфект²³.

Лингвистический материал, имеющийся в нашем распоряжении, ориентирует на выделение четырех времен. Думается, что разноречие в определении количества времен в кондиционале в вепсском языке связано с трудностью построения на временной оси четырех времен именно в условном наклонении. Тем не менее, говорящие на вепсском языке достаточно легко справляются с этим, выстраивая такую же парадигму, что и в индикативе, и лишь показатели форм присоединяются к показателю кондиционала **-iži-**, который, в свою очередь, стоит после лексической основы глаголов. Думается, что именно индикатив и мог спровоцировать аналогию на образование четырех форм времени в кондиционале.

Глагольные формы презенса кондиционала строятся присоединением лично-числовых окончаний к основе кондиционала (tul-iži-n “(я) пришел бы”, sapu-iži-n “(я) сказал бы”).

Глагольные формы имперфекта кондиционала строятся на базе II причастия актива. II причастие актива – излюбленный строительный материал для различных грамматических форм глаголов в вепсском языке. Его иногда называют “восполнительной” формой. Таким образом, формы имперфекта кондиционала состоят в вепсском языке из четырех частей: лексической основы глагола, суффикса II причастия актива, суффикса кондиционала и лично-числового окончания (teh-nu-iži-n “(я) сделал бы”). Предполагается, что форма имеет аналитическое происхождение: *toižin* (презенс кондиционала) + *toni oližin* (перфект кондиционала) = *tonuiziin* “(я) принес бы”. Возникла новая синтетическая форма, но осталась и старая аналитическая форма перфекта кондиционала. Она не поменяла свое изначальное значение, употребляясь и дальше в своей старой роли – а именно в роли перфекта кондиционала.

Вновь же возникающая синтетическая форма имперфекта, а именно форма кондиционала вспомогательного глагола, плюсквамперфект кондиционала стали формировать плюсквамперфект кондиционала: *olnuiziin toni* “(я) принес бы”. Формы времен кондиционала достаточно употребительны во всех диалектах вепсского языка. Они вошли в том же составе и в младописьменный вепсский язык, предоставляя тонкие возможности для передачи и характеристики различных временных оттенков протекания действия в кондиционале.

Во вторую главу работы включен раздел “Исторический пассив”. В вепсском языке в его синхронном состоянии, скажем, в отличие от карельского, функционируют активные и пассивные по происхождению формы. Их же употребление несколько переплелось; пассивные по происхождению формы активизировались в ряде говоров, начав употребляться в значении форм 3 л. мн. числа презенса и имперфекта. В младописьменном же языке принята концепция на упорядочение употребления названных форм в их исторических функциях, поэтому данный раздел важен для младописьменного языка.

В третьей главе “Возвратное спряжение глаголов в вепсском языке” рассматривается одна из достаточно мало изученных областей грамматики вепсского глагола – ее возвратное спряжение.

Действие, совершаемое субъектом и направленное на субъект же, называют возвратным. Категория возвратности, или рефлексивности, достаточно подробно разрабатывалась в русском языке. В теории русистики данную категорию рассматривали в связи с возвратным залогом глаголов, просто с возвратными глаголами и даже с возвратными формами глаголов, хотя русский язык, как известно, обладает лишь одной частицей **-ся**, и никаких иных грамматических форм в нем нет. Аффикс возвратных глаголов **-ся**, **-сь** включается в ряд специальных исследований и в разряд глагольного словообразования, “так как возвратные глаголы всегда представляют собой особые лексемы по отношению к соответствующему невозвратному глаголу”²⁴. В прибалтийско-финских языках многие глаголы также обладают значением возвратности, которое может обозначаться некоторыми словообразовательными суффиксами: напр. финск. *peseytyä* “мыться, умываться”, *kotiutua* “возвращаться домой”; карельск. *ligavuo* “пачкаться, мараться”; вепсск. *verduda* “сердиться”, *süveneda* “углубляться”. Глаголы данного типа спрягаются так же, как и все остальные глаголы; в них лишь наличествует значение возвратности, при

²² Kettunen L. Suomen lähisukukielten luonteenomaiset piirteet // SUST, № 119. Hki, 1960. S. 21.

²³ Хмяляйнен М.М. Вепсский язык // Языки народов СССР, т. III. М. 1966. С. 91; Зайцева М.И. Грамматика вепсского языка. Л. 1981. С. 256.

²⁴ Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962. С. 30.

котором существенную роль играет связь между действием и субъектом. Наряду с этим в ряде прибалтийско-финских языков возник грамматический способ передачи возвратности – возвратное спряжение, характеризующееся особым набором лично-числовых форм. Если иметь в виду, что регулярность образования является неперменным признаком форм одного слова, то возвратное спряжение обладает им сполна. Тот момент, что в языках, и так располагающих возможностями словообразования для получения значения возвратности, появляется еще дополнительно возвратное спряжение, достаточно непросто и неоднозначен. При том, очевидно, что благоприятная почва для формирования возвратного спряжения сложилась уже в прибалтийско-финском языке-основе, поскольку либо элементы возвратного спряжения, либо само спряжение в его наиболее развитом виде имеется, по крайней мере, в нескольких родственных языках: вепском, карельском, ижорском, восточных говорах финского языка. А. Кяхрик предполагала, что в этом случае, скорее всего, следует усматривать влияние русского языка, поскольку “все упомянутые диалекты по сравнению с остальными прибалтийско-финскими диалектами более интенсивно контактировали с русским языком, в котором морфологический признак возвратных глаголов в словообразовании отчетливо проявляется”²⁵. В принципе с данным тезисом отчасти можно согласиться: русский язык мог стимулировать потенциальные возможности языков на возникновение спряжения. Однако в остальном названные языки пошли самостоятельным путем, создав свои собственные лично-числовые окончания для возвратного спряжения.

Возвратные глаголы отчасти по значению напоминают пассив и перекрещиваются с ним. Это положение как бы подкрепляется данными некоторых прибалтийско-финских языков. В ряде из них, в первую очередь, карельском и вепском, произошла замена активных форм 3 л. мн. числа презенса и имперфекта индикатива на пассивные по происхождению формы. Таким образом, пассивные формы как бы оказались “занятыми” выполнением иной функциональной нагрузки. В связи с этим можно предположить, что возвратные формы, возвратное спряжение и пришли отчасти на смену пассивным формам, как бы компенсируя передачу оттенка, в том числе, и пассивного значения. В современном вепском языке значение возвратных глаголов в определенной степени действительно соприкасается с пассивными

формами, а иногда даже замещает их, напр.: *pesse g'ogi kucuse* (возвратный глагол) *Šalaks* “эта река называется Шолой”, ср. иную конструкцию с исторически пассивной формой: *pesse g'ogi kuctas Šalg'ogi* “эту реку называют Шолой”.

Различные идеи по происхождению возвратного спряжения выдвигали такие языковеды, как Тункело Э.А., Кеттунен Л., Пости Л., Сухонен С., Койвисто Й. и др. Правда, его называли в разных трудах *возвратным залогом*²⁶ и *возвратными формами* глаголов²⁷, а также *возвратным спряжением*²⁸. На наш взгляд, более правомерен именно термин “возвратное спряжение”, поскольку в языке существуют не только разрозненные возвратные глагольные формы, а имеется особая полная парадигма из совокупности лично-числовых окончаний. Мы будем ее называть *парадигмой возвратного спряжения* в противовес *парадигме основного спряжения*. Возвратное спряжение в вепском языке чаще всего свойственно тем глаголам, которые могут иметь прямой объект: *minä pezen modod* “я умываю лицо” и *minä pezemoi* “я моюсь (или умываюсь)”. Однако, очевидно, не без влияния русского языка, и многие непереходные глаголы также обладают в вепском языке парадигмой возвратного спряжения: *tämbei astuse hondoin'*, *g'augan kibištāb* “сегодня плохо идет, нога болит”; *mina ajeldamoi kodihe päiväici* “я съезжаю домой в течение одного дня”.

Обе группы спряжений (основное и возвратное) имеют и точки соприкосновения:

- 1) во многих формах они обладают одинаковой лексической основой, которая также у различных групп глаголов может быть только гласной, краткой или долгой гласной, либо гласной и согласной: *peze-n* “(я) мою” – *peze-moi* “(я) моюсь”;
- 2) у них одни и те же показатели имперфекта, кондиционала, императива и те же условия присоединения их к лексической основе глаголов: *pez-i-n* “(я) мыл” – *pez-i-moi* “(я) мылся”; *pez-iži-n* “(я) мыл бы” – *pezi-iži-moi* “(я) мылся бы”; *pes-ka-t* “мойте!” – *pes-ka-toiš* “мойтесь!”;
- 3) обе группы глаголов обладают одинаковым количеством времен в наклонениях и имеют одну и ту же модель их построения (напр. *pesta* “мыться”: *pezemoi* 1 л. ед. числа презенса индикатива; *pezimoi* – имперфект; *olen peznus* – перфект; *olin peznus*

²⁵ Кяхрик А. О формировании парадигмы возвратных глаголов в вепском языке // Советское финно-угроведение, № 4. Таллинн, 1978. С. 271.

²⁶ Viitso T.-R. Äänisvepsa murde väljandustasandi kirjeldus // Ученые записки Тартуского университета, № 218. Тарту, 1968. С. 150.

²⁷ Хямляйнен М.М. Указ. соч. С. 91-92; Зайцева М.И. Указ. соч. С. 275-283.

²⁸ Кяхрик А. Указ. соч. С. 267-268.

плюсквамперфект);

4) в свою очередь, временные формы возвратных глаголов воплощают в себе и сходное противопоставление в значении.

Основываясь на этих моментах, в главе, посвященной возвратному спряжению, нет разделов по истории показателей времен и наклонений. Для данной главы наиболее актуальна проблема лично-числовых форм, показатели которых отличаются и своим строением, и историей происхождения от показателей основного спряжения.

Лично-числовые окончания в диалектах вепсского языка имеют довольно пеструю картину. Наиболее древнее и более объяснимое положение вещей относительно лично-числовых показателей занимает южновепсский диалект. В нем в форме 1 л. ед. числа употребляется лично-числовое окончание *-me*, включающее в себя элементы *-m-* и *-e*. Объяснение происхождения элемента *-m-* в лично-числовом окончании, а он отмечается и в рефлексивном спряжении родственных языков, считается наиболее сложным моментом в истории происхождения рефлексивных окончаний. Л. Пости полагал, что *-m-* в окончании 1 л. ед. числа восходит по своему происхождению к тому же самому *-m-*, которое имеет место в 1 л. мн. числа основного спряжения (напр. *mõ rezem, pagizem* “мы моем, говорим”). Вторая же составная часть лично-числового окончания: элемент *-e*, — причем, по мнению Пости, вместо этого *-e* исторически могли быть гласные *a, ä, o, õ* (ср. в современном вепсском языке *pezemoi* и *pezeme* “(я) умываюсь”) — по всей видимости, заимствован по аналогии из суффикса **-ksen, *-kset*, который и сейчас выступает в вепсском языке в качестве лично-числового окончания 3 л. ед. и мн. числа в форме *-se (-kse, -ze)*: *pezese* “(он) умывается”²⁹.

Можно предположить, что в формировании окончания заметную роль могла сыграть и аналогия с посессивным суффиксом 1 л. мн. числа, употребляемым в системе именного словоизменения. Посессивный суффикс 1 лица мн. числа в современном вепсском языке фонетически поразительно напоминает лично-числовое окончание 1 л. ед. числа (ср. напр. *miidamoï* “нас самих” и *rezemoï* “я моюсь”). Предполагается, что исторически посессивный суффикс мн. числа имел вид **-mek*, где *-me-* восходит к личному местоимению, а *-k* являлся показателем множественности. В южновепсском диалекте и представлен вариант лично-числового окончания *-me*. Точку зрения о возможной связи посессивного суффикса и лично-числового окончания развивает С.

Сухонен. Он считает, что была вполне вероятна конструкция по употреблению с инфинитивом посессивного суффикса 1 лица: **pestämmi* “помыть свои ноги” <**pestäkmi*³⁰. Произошла ассимиляция, и из *-km-* возникла гемината *-mm-*, позднее сократившаяся, как и все прочие геминаты в вепсском языке, до одиночной *-m-*. По мнению известного финно-угроведа и великолепного знатока вепсского языка Л. Пости³¹, посессивные суффиксы повлияли на качество гласного звука в составе лично-числового окончания, в результате чего *e>o* (ср. южновепсское *sobime* и средне- и северновепсское *sobimoï* “(я) одеваюсь”). На наш взгляд, думается, что здесь может быть отмечена определенная связь и в значении. Посессивный суффикс, употребляясь с именами, также указывает на принадлежность определенному лицу. Но здесь важно, что в вепсском языке имеется еще одна исключительно существенная деталь: посессивные суффиксы употребляются с местоимениями, в этом случае как бы указывая на некий возврат действия субъекту, обозначенному местоимением: *longin tegi miilemoï* “она нам (досл. “нам самим”) обед приготовила”. Данное сходство в значении действительно могло определенным образом отразиться на формировании лично-числового возвратного окончания 1 л. ед. числа.

В северновепсском диалекте повсеместное распространение получил вариант окончания *-mei* (*sõtamei* “(я) прокормлюсь”, *katamei* “(я) укрываюсь”).

В западных говорах средневепсского диалекта имеет место вариант окончания *-moï* (*võsttamoï* “(я) подпоясываюсь”, *rušimoï* “(я) раздеваюсь”). Он же характерен и для говоров Пондалы, Шимозера, Пяжозера, принадлежащих к восточной группе говоров. Куйско-войлахотские же говоры, относящиеся также к названной группе говоров, имеют вариант окончания, объединяющий их, на первый взгляд, отчасти с южновепсским диалектом, напр. *võsttame* “(я) подпоясываюсь”. Но наибольшее употребление на этой территории имеют варианты *-mji* и *-mji*: *risttimji* “(я) крепнусь”, *rezomji* “(я) умываюсь”. Скорей всего, здесь нельзя усматривать близость между восточными говорами средневепсского диалекта и южновепсским диалектом, и *-e-* внутри окончания следует рассматривать как явление более позднего, вторичного порядка. Последние варианты окончаний показывают, что в этом случае произошло сужение дифтонга и превращение его в

²⁹ Posti L. The Origin and Development of the Reflexive Conjugation in the Finnic Languages // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Turku, 1980. P. 132.

³⁰ Suhonen S. Lähisukukielten muoto-oppia ja lainasuhteita // Castrenianumin toimitteita, № 9. Hki, 1974. S. 1.

³¹ Posti L. Указ. соч. С. 133.

монофтонг: *-moi* > *-mei* > *-mji* > *-mj*. В названных вариантах лично-числового окончания, по сравнению с южновепским диалектом, наличествует еще одна деталь: элемент *-i*. И в этом случае, как и в основном спряжении, в элементе *-i* следует признать показатель множественности *-i*. Для 2 л. ед. числа характерны варианты лично-числовых окончаний, содержащие элемент *-t-* (*peze-toi* “(ты) умываешься”, *vege-toi* “(ты) ложишься”). Можно полагать, что и в этом случае, как и в 1 лице ед. числа, названный элемент возник по аналогии с окончанием 2 л. мн. числа основного спряжения. В южновепском диалекте также представлена наиболее древняя форма окончания *-te* (*sobite* “(ты) одеваешься”, *ištute* “(ты) садишься”). В северновепском диалекте употребителен вариант *-tei* < *-toi* (*kumardatei* “(ты) поклонисься”, *laitei* “(ты) ругаешься”). В средневепском диалекте выступает та же оппозиция в вариантах окончаний, что и в 1 л. ед. числа: в западных говорах, а также в говорах Пондалы, Пяжозера, Шимозера, входящих в восточные говоры, представлен вариант окончания *-toi* (*tartuteletoi* “(ты) цепляешься”), в куйско-войлахотских говорах — *-tji*, *-tj* (*vöstatji* “(ты) подпояшешься”).

В форме 3 л. ед. числа чаще всего функционирует окончание, содержащее звуковой комплекс *-se* и его производные. Лично-числовое окончание 3 л. является одним из трех важнейших компонентов, на которых зиждется вся система рефлексивного спряжения. Языковеды настойчиво связывают названную форму 3 л. и ее окончание с окончанием пассива, в котором также функционирует звуковой комплекс, восходящий по своему происхождению к **-sen*. Л. Пости полагал, что суффикс **-sen*, восходящий к прибалтийско-финско-саамскому периоду и на первых порах употреблявшийся с рядом глаголов, по значению близких к рефлексивным, в некоторых прибалтийско-финских языках со временем приобрел значение возвратности³². Причем предполагается, что окончанию **-sen* предшествовал **-k-* — древний показатель презенса. Таким образом, обсуждаемый суффикс мог иметь вид **-ksen*. Данный наиболее древний вариант возвратного лично-числового показателя 3 лица *-kse* также имеет место в рефлексивном спряжении вепского языка. Он встречается в восточных говорах средневепского диалекта, закрепившись в качестве показателя рефлексивности в форме I инфинитива и II причастия актива, выступая после показателей инфинитива и причастия: *pestakse* “мыться”, *peznukse* “умывшийся”, *sädakse* “одеваться”, *sänukse* “одевшийся”.

³² Posti L. Указ соч. С. 364-365.

Что же касается вепского варианта обсуждаемого суффикса *-se*, то С. Сухонен настойчиво сравнивает его с русской возвратной частицей *-ся*, усматривая в *-se* результат влияния или даже заимствования его из русского языка. Подробно проанализировав группы возвратных глаголов по их значениям в том и другом языке, отметив их несомненное сходство, Сухонен пришел к выводу, что, может быть, вепское лично-числовое окончание 3 л. ед. числа (*-se*, *-s*, *-ze*), отчасти напоминающее русскую возвратную частицу *-ся*, и обязано последней своим происхождением³³. Думается, что с этим нельзя согласиться. Действительно, в значении вепские и русские возвратные глаголы близки; в этом может быть отмечен несомненный элемент русского влияния. Однако почему в этом случае возвратная частица, если она была заимствована, стала окончанием только 3 л. ед. числа, и вепский язык не пошел по пути русского языка и не ограничился одной названной частицей в передаче возвратности, а создал стройную систему полного возвратного спряжения, идентичную отчасти близко родственным языкам? Кроме того, несмотря на известную ассимиляцию вепского языка русским, в нем нет заимствованных словоизменительных показателей, а известны лишь заимствованные основы, которые приспособляются к системе словоизменения заимствующего языка.

В северновепском диалекте употребительно лично-числовое окончание 3 л. ед. числа *-ze*: *sädaze* “(он) одевается”, *hauduze* “(он) парится”. В этом случае в составе окончания налицо озвончение согласного *-s-* и переход его в *-z-*. Надо полагать, что это случилось уже после полной ассимиляции признака презенса *-k-* с последующим за ним *-s-* (ср. исторически **-ksen*). В интервокальной позиции в северновепском диалекте произошло озвончение первого звука окончания 3 л. ед. числа (*s > z*). В названном диалекте после основ на *-i-* в составе окончания на месте *-z-* может появляться также *-ž-*: *kuriže* “курится”, *potkiže* “пинается”.

В отрицательном возвратном спряжении при построении лично-числовых форм употребляется тот же отрицательный глагол, который имеет место и в парадигме основного спряжения. Формы отрицательного глагола обладают идентичными лично-числовыми окончаниями, выступающими в основном спряжении (напр. *en peste* “(я) не моюсь”, *ed peste* “(ты) не моешься”, *ei peste* “(он) не моется”). Основная нагрузка в передаче значения рефлексивности в отрицательной конструкции перемещается с лично-числового показателя на смысловой глагол.

³³ Suhonen S. Указ. соч. С. 18-26.

Смысловый глагол в отрицательной рефлексивной конструкции имеет в своем составе показатель *-te*, *-de* (en *ištte* “(я) не усядусь”, en *verde* “(я) не улягусь”). Названная форма до сих пор представляет собой некоторую загадку. Так, в одной из работ по проблеме передачи значения возвратности в прибалтийско-финских языках ее автор Й. Койвисто пишет: “Трудность вопроса заключается в том, почему именно императив и отрицательный презенс с суффиксом **-de* и только эти формы объединились в рефлексивный тип спряжения”³⁴. Таково ключевое положение данного форманта в системе рефлексивного спряжения.

Одним из первых вопросом происхождения названного форманта занялся Э.А. Тункело. Прежде всего, по его мнению, обсуждаемая форма вначале возникла в форме императива, а уже потом стала достоянием и отрицательного спряжения. В одной из своих статей он предположил, что вепсский вариант суффикса *-te* ~ *-de* достаточно древен: он восходит к периоду прибалтийско-финского языка-основы и, более того, имеет соответствие даже в саамском языке. В качестве рабочей гипотезы Э.А. Тункело высказал предположение о том, что элемент *-t-* в составе показателя *-te* идентичен *-t-*, который имел место в местоимении 2 л. или возникшем из него посессивном суффиксе 2 л. (*sinä* “ты” < **tinä*). Названная связь поддерживается еще и тем, что обсуждаемая форма смыслового глагола употребляется именно во 2 л. императива (*ištte* “садись”). Первой ступенью в происхождении форманта *-te* ~ *-de* могла стать следующая: **pesekte* “умой себя”, где *pes-* – лексическая основа глагола, *-k-* – древний показатель императива, *-te* – посессивный суффикс, возникший из личного местоимения. Затем произошел ассимилятивный переход *kt* > *tt*, откуда один *-t-* выпал³⁵. Изложенное объяснение не единственное. Существует точка зрения, что формант *-te* – не что иное, как словообразовательный суффикс с возвратно-транслативным значением, который “под влиянием аналогии с производными на *-te* функционировал уже в форме отрицания 3 л. ед. числа повелительного наклонения”³⁶, а затем распространился и на отрицательные формы презенса индикатива возвратного спряжения, таким образом, возникнув сперва в отрицательных формах.

Отличие между положительными формами ед и мн. чисел заключается в элементе *-š-* (или его варианте *-s-*), ведущим свое начало от лично-

числового окончания 3 л. ед. числа *-se*. Таким образом, лично-числовые окончания мн. числа обязаны в своем происхождении наслоению лично-числовых окончаний 1, 2, 3 лиц и названного элемента *-š-* (*-s-*), который либо входит в состав окончаний мн. числа: *peze-moiš* “(мы) моемся”, *peze-toiš* “(вы) моетесь”, *pezesoiš* “они” моются”, либо может употребляться и самостоятельно, указывая на рефлексивность (*olen peznus* “(я) умылся”). Данные варианты лично-числовых окончаний с *-š-* на конце – явление не общевепское; оно возникло после формирования основных диалектных особенностей и является принадлежностью говоров средневепского диалекта. В нем можно усматривать также и ливвиковско-карельское влияние, поскольку вепские формы на *-moiš*, *-toiš* идентичны карельским типа *kašommokseh* “(мы) оглядываемся”³⁷.

В южновепском диалекте подобного явления наслоения двух показателей не произошло; тем не менее, в нем имеется различие по линии ед. и мн. чисел. Различие сосредоточено в качестве гласного в составе окончания: в ед. числе – *-e* (*sädase* “(он) одевается”), во мн. – *-õ* (*sädasõ* “(они) одеваются”). Долгий гласный в лично-числовом окончании мн. числа свидетельствует о том, что на его месте ранее существовал дифтонг на *-i* (где *i* – показатель множественности). Названный дифтонг в южновепском диалекте монофтонгизировался, превратившись в долгий гласный вторичного происхождения, как и во многих иных случаях.

Отрицательные формы мн. числа строятся либо с применением форманта *-te*, имеющем место в структуре смыслового глагола, и форм мн. числа отрицательного глагола (*emä ištte* “(мы) не сядем” – южновепский диалект), либо наращиванием на отрицательный формант *-koi*, *-goi* элемента *-š* или его варианта *-s* (*em vergoiš* “(мы) не уляжемся” – средневепский и северновепский диалекты). Названный элемент *-š* (*-s*) или – на почве северновепского диалекта: *-ze* – употребляется и в построении сложных временных форм: перфекта и плюсквамперфекта. В этих случаях он присоединяется к форме причастия (*olen peznus*, *olim peznus* “(мы) умылись”; *olen peznuze*, *olim peznuze*). Как свидетельствует материал по северновепскому диалекту, в нем в дополнение к показателю рефлексивности 3 л. *-ze*, употребляемому с причастиями, в стадии свободного варьирования на одной и той же диалектной территории функционирует рефлексивный показатель *-ste*: *peznuste* “умывшийся”, *ristnuste* “крестившийся” (*olen ristnuste* “(я) перекрестился” *olen peznuste* “(я) умылся”). Показатель *-ste* вызывал интерес ученых уже с давних пор. В свое время Э.А. Тункело, пытавшийся найти более

³⁴ Koivisto J. Suomen murteiden refleksiivitaivutus. Hki, 1990. S. 168.

³⁵ Tunkelo E.A. Указ. соч. С. 145.

³⁶ Кяхрик А. Указ. соч. С. 274.

³⁷ Tunkelo E.A. Указ. соч. С. 101.

точные сведения о взаимодействии вепсского и эстонского языков, высказал предположение о том, что показатель рефлексивности *-ste*, возможно, вепсским был заимствован именно из эстонского, в котором в диалекте Сааремаа существует форма индикатива презенса пассива на *-ste* (*tihaste* “делают”)³⁸. Трудно представить данный путь заимствования. Думается, что здесь не что иное, как слияние двух суффиксов: в северновепском диалекте существуют формы отрицательного рефлексивного презенса, типа *mina en opete* “я не учусь”, и отрицательного имперфекта, типа *mina en openuste* “я не учился”; данные суффиксы представили почву для возникновения путем контаминации (*-ze + -te*) нового рефлексивного показателя *-ste* (*openuste – mina en openuste* “я не учился”)³⁹.

Возвратное спряжение обладает теми же формами наклонений, в которых идея возвратности передается также либо особыми лично-числовыми окончаниями (*peziži-moi* “(я) умылся бы”), либо формантом *-te* (*peste!* “умойся!”), либо элементом *-š ~ -s* (*peznuiži-moiš* “(мы) умылись бы” – имперфект). В работе раскрыт весь механизм действия данной триады.

Отметим лишь, что в отрицательных формах кондиционала во всех лицах обобщилось употребление вместе с отрицательным глаголом формы 3 л., что объяснить достаточно трудно (ср. *hän pezižihe* “он умылся бы” – *en pezižihe* “(я) не умылся бы”, *ed pezižihe* “(ты) не умылся бы”, *ei pezižihe* “(он) не умылся бы”, *em pezižihe* “(мы) не умылись бы” и т.д.).

В заключении изложены некоторые выводы. Грамматика глагольного словоизменения вепсского языка представляет собой достаточно пеструю картину, в которой, как показал наш анализ, обнаруживается как результат самостоятельного развития вепсского языка, так и наследие прибалтийско-финского языка-основы и следствие контактов с родственными и неродственными народами. Грамматика глагола обладает особенностями, выделяющими ее на фоне родственных языков: это и особая классификация типов основ, и построение отрицательных форм с помощью форманта *-koi*, *-goi*, и претерит на *-ške*, и четыре формы времени в кондиционале, и особые формы возвратного спряжения и т.д. Полученные результаты позволили по-новому взглянуть на некоторые проблемы формирования диалектов, в первую очередь, на

формирование так называемых “восточных говоров”, которые распадаются относительно грамматики глагола на две части: пажозерские говоры (иногда к ним примыкают и шимозерские говоры) демонстрируют несомненную близость с южновепским диалектом и могут быть отнесены к переходным говорам; куйско-войлахотские показывают как влияние карельского языка, которое ранее здесь не отмечалось, так и явный налет некоего иноязычного влияния. Проблема формирования восточновепских говоров, их статус и место в системе диалектов вепсского языка пока представляет собой до известной степени некоторую загадку, разрешение которой требует дополнительных сведений смежных наук.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Монографии:

1. Зайцева Н.Г. Вепсский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск, 2002. – 286 с.
2. Zaicva Nina. Vepsän kelen grammatik, I. Petroskoi, 1995. – 114 с.
3. Zaicva Nina. Vepsän kelen grammatik, II. Petroskoi, 2000. – 127 с.

Статьи:

1. Зайцева Н.Г. Отражение взаимодействия разносистемных языков в системе одного языка (на материале вепсского языка) // К истории малых народностей Европейского Севера. Петрозаводск, 1979. С. 110-116.
2. Зайцева Н.Г. Особенности морфонологических явлений имени и глагола в современном вепсском языке // Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979. С. 12.
3. Зайцева Н.Г. О вепско-саамских лексических параллелях // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1988. С. 22-32.
4. Зайцева Н.Г. Пути освоения русской диалектной лексики // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 6. Л., 1990. С. 91-102.
5. Зайцева Н.Г. Этапы исследования вепсского языка в свете библиографии // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1991 (в соавторстве с Яковлевой Л.П.). С. 82-123.
6. Зайцева Н.Г. О соотношении карельского и вепсского элементов в лексике говора с Михайловское // Вопросы финской филологии. Петрозаводск, 1992. С. 15-21.

³⁸ Tunkelo E.A. Refleksiivinen taivutuspäätte *-ste* // Virittäjä. Hki, 1946. S. 452.

³⁹ Posti L. Vepsän refleksiivinen taivutuspäätte *-ste* // Virittäjä, № 1-2. Hki, 1948. S. 118.

7. Зайцева Н.Г. О вепско-русских языковых контактах // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1994. С. 83-99.
8. Зайцева Н.Г. Вепско-русские языковые связи // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. М., 1994. С. 71-80.
9. Зайцева Н.Г. Младописьменные языки Карелии и академическая наука // 50 лет Карельскому научному центру Российской академии наук. Петрозаводск, 1996. С. 212-214.
10. Зайцева Н.Г. Вепский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия. Том I. М., 1997. С. 260-267.
11. Зайцева Н.Г. Языки малочисленных народов в многокультурном мире // Важнейшие результаты научных исследований Карельского научного центра Российской академии наук. Петрозаводск, 1999. С. 135-136.
12. Зайцева Н.Г. Одна ли лексическая основа у одноосновных глаголов в вепском языке? // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 156-163.
13. Zaitseva Nina. Kieli säilyttävä // Carelia, № 2. Petroskoi, 1989. S. 129-132.
14. Zaitseva Nina. Älä kadota äidinkieltäsi ja kansallista kulttuuriasi (Vepsäläisten kansallisen koulun ja kirjakielen ongelmista) // Vepsäläiset tutuiksi. Joensuu, 1994. S. 12-18.
15. Zaitseva Nina. Vepsän kieli ja sen kehitysnäkymiä // Vepsäläiset tutuiksi. Joensuu, 1994. S. 51-61.
16. Zaitseva Nina. Vepsän kirjakelen problemad // Nordlyd. Tromsø university working papers on language & linguistics, №26. Tromsø, 1998. S. 95-101.
17. Zaitseva Nina. Vepsänkielinen kirjallisuus alkuaipaleella // Carelia, № 10. Petroskoi, 1999. S. 108-116.
18. Zajceva Nina. Das Verhältnis von Regeln und Ausnahmen in der Grammatik des wepsischein Verbs // Facing Finnic. The symposium in Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. Castrenianumin toimitteita, №59. Hki, 2000. S. 227-234.
19. Zaiceva Nina. Abekirj. (Букварь на вепском языке – в соавторстве с Муллонен М.И.). Petroskoi, 1991. 94 с.
20. Zaiceva Nina. Lujem i pagizem vepsäks. (Учебник для 2 класса – в соавторстве с Муллонен М.И.). Petroskoi, 1991. 103 с.

21. Zaiceva Nina. Ičemoi lugemišt. Petroskoi, 1994 (Учебник для 3 класса – в соавторстве с Муллонен М.И.). 126 с.
22. Zaiceva Nina. Meiden sana. (Книга для чтения в начальной школе – в соавторстве с Коттиной А.И., Максимовым А.П.). Petroskoi, 1998. 95с.
23. Zaiceva Nina. Vepsä-venälaine, venä-vepsläine vajehnik. (Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь – в соавторстве с Муллонен М.И.). Petroskoi. 1995. 191 с.

Находятся в печати (план издания – 2002 год)

1. Vepsän kelen grammatik 5-9 klassoi. Teoretine openduzkirj. (Учебник по грамматике вепского языка для 5-9 классов. Теория). Находится в издательстве “Периодика”. 10 а.л.
2. Atlas Linguarum Fennicarum (Лингвистический Атлас прибалтийско-финских языков), т. I. Редактор тома Сухонен С. Хельсинки. Издательство Финно-угорского Общества (в составе коллектива авторов Финляндии, Эстонии, России).